Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Всеобщій Еврейскій Рабочій Союзъ въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

LE PROCÈS DE JAKOUTSK

2me partie

ЯКУТСКІЙ ПРОЦЕССЪ.

Выпускъ II.

РѢЧИ ОБВИНЯЕМЫХЪ

М. БРОЙДО, А. ЗАЛКИНДА, Х. ЗАКОНА, И. ХАЦКЕЛЕВИЧА, И. ВИЛЕНКИНА, П. ТЕПЛОВА и другихъ.

Изданіе Всеобщаго Еврейскаго Рабочаго Союза въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи.

ЖЕНЕВА.

Imprimerie israélite, rue de Carouge 81, Genève, Suisse.

Ноябрь 1904.

ЯКУТСКІЙ ПРОЦЕССЪ *)

Рѣчь Бройдо **).

(5-го августа).

Я хотѣлъ было сначала дать вамъ болѣе или менѣе исчерпывающее изложеніе мотивовъ, побудившихъ меня принять участіе въ протестѣ. Но для этого мнѣ пришлось бы обрисовать передъ вами ту психологическую почву, на которую ложились репрессіи послѣдняго времени; мнѣ пришлось бы разсказать вамъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили извѣстія, долетавшія до меня черезъ толстыя стѣны Петербургской одиночной тюрьмы, гдѣ я просидѣлъ 14 мѣсяц., извѣстія о томъ, что мирныхъ демонстрантовъ, осмѣливавшихся заявить во всеуслышаніе требованіе свободы, или бастующихъ рабочихъ, добивавшихся лучшихъ условій труда, избивали казацкими нагайками...

Предсѣдатель. Прошу васъ, подсудимый, говорить только о ссылкѣ.

Бройдо. Я и хотѣлъ сказать, что зная, гдѣ и передъ кѣмъ я говорю, я считалъ невыполнимой задачу, которую я себѣ поставилъ съ самаго начала. Я ограничусь поэтому лишь передачей вамъ нѣсколькихъ фактовъ изъ лично пережитаго въ ссылкѣ.

Послѣ 3-хъ-мѣсячнаго скитанія по пересыльнымъ тюрьмамъ и этапамъ я 24 іюня 1903 г. былъ водворенъ до приговора въ гор. Киренскъ, Иркутской губ. Это было время, когда ссыльнымъ жилось сравнительно сносно, особенно въ городахъ. Въ Киренскѣ, по крайней мѣрѣ, почти всѣ товарищи имѣли заработки. Въ селахъ и деревняхъ жилось, конечно, скверно: приходилось устраиваться исключительно на казенное пособіе въ 15 руб. Но изъ окрестныхъ селъ товарищи часто наѣзжали въ Киренскъ за покупками или въ поискахъ за заработками и подолгу оставались въ городѣ. Полиція знала про эти отлучки, но смотрѣла сквозь пальцы: отлучившійся вызывался раза два-три въ полицію, и дѣло кончалось компромиссомъ. Разрѣшенія на эти отлучки брались очень рѣдко: за мое время я знаю лишь одинъ случай, когда

*) Рѣчи П. Розенталя, А. Израильсона и М. Кагана см. „Якутскій Процессъ", вып. I.

**) Бройдо Маркъ Исаевичъ, бывшій студентъ Петербургскаго Технологическ. Инст., арестованъ въ Петербургѣ въ началѣ 1901 г. за принадлежность къ соц.-дем. группѣ „Рабочая Библіотека".

товарищъ Смирновъ за самовольную отлучку изъ села Чечуйскаго (въ 60 верс. отъ Киренска) въ г. Киренскъ былъ приговоренъ мировымъ судьею къ штрафу въ 1 рубль. Мы встрѣчали партію за партіей безъ всякихъ препятствій, препирательствъ или столкновеній. Лѣтомъ мы съ лихорадочнымъ волненіемъ ожидали партію, высчитывая заранѣе день и часъ прибытія паузковъ; когда паузки приставали къ берегу, пріѣхавшіе шли на какую-нибудь общую квартиру, гдѣ ихъ ждалъ тѣсный товарищескій кругъ, быть можетъ старые знакомые, живые люди и живая рѣчь, которой они такъ давно ужъ не слыхали. Зимою партія проѣзжала Киренскъ обыкновенно ночью, несясь во весь карьеръ и останавливаясь лишь въ селѣ Никольскомъ, въ 5 верс. ниже Киренска. И тѣмъ не менѣе ни разу не случалось, чтобы мы пропустили партію, несмотря на всѣ старанія и уловки жандармовъ. Не трудно понять ту настойчивость и то волненіе, которыя проявляли при свиданіяхъ мы—ссыльные и товарищи, шедшіе въ ссылку. Эти свиданія — почти единственныя свѣтлыя точки на мрачномъ фонѣ ссылки. Свид. Чаплинъ вѣрно отмѣтилъ, что главную роль въ свиданіахъ играетъ встрѣча единомышленниковъ. Да, здѣсь, среди этихъ мрачныхъ приленскихъ утесовъ, среди населенія чуждаго и зачастую враждебнаго, встрѣчались родныя души, родныя по убѣжденіямъ, стремленіямъ и цѣлямъ, встрѣчались люди, одинаково оторванные отъ поля своего дѣйствія и заброшенные за тысячи верстъ въ непривѣтливую суровую Сибирь. Эти свиданія давали намъ то, чего не могла давать никакая почта, и въ особенности почта сибирская. Новоприбывшіе снабжались свѣдѣніями и иногда деньгами, безъ которыхъ крайне трудно ориентироваться и устроиться при чуждыхъ, тяжелыхъ условіяхъ въ ссылкѣ. Послѣднее долженъ былъ признать даже исполнитель кутайсовскаго циркуляра о запрещеніи свиданій — свидѣтель Чаплинъ. Возможно, что и до Кутайсова существовало воспрещеніе свиданій въ пути, также какъ и запрещеніе самовольныхъ отлучекъ, но и то и другое существовало болѣе на бумагѣ — жизненныя условія брали свое. Любой представитель мѣстной власти или офицеръ партіи при желаніи и способности къ этому, опираясь на букву данныхъ имъ инструкцій, могли бы и тогда лишать свиданій въ пути и сдѣлать жизнь ссыльныхъ невозможной. Но общее направленіе до — кутайсовскаго режима было таково, что власти избѣгали всякихъ исторій и столкновеній, и фактически достаточно было извѣстнаго такта и одной лишь готовности со стороны ссыльныхъ настаивать на своихъ требованіяхъ, чтобы эти запрещенія превратились въ болѣе или менѣе пустой звукъ. Съ назначеніемъ на постъ ген.-губернатора гр. Кутайсова, картина сразу и рѣзко мѣняется. Если не ошибаюсь, мнѣ одному изъ первыхъ пришлось испытать на себѣ дѣйствіе новаго режима. — Это было о масляницѣ 1903 г. Съ іюня 1902 г. я жилъ безвыѣздно въ Киренскѣ, работая часовъ 10 въ день при постройкѣ казеннаго виннаго склада. Желая немного отдохнуть и освѣжиться, я рѣшилъ поѣхать на три праздничныхъ дня къ товарищу въ село Макаровское, расположенное въ 60 верс-

стахъ отъ Киренска, и счелъ даже нужнымъ, хотя можно было съ успѣхомъ и безъ этого обойтись, заявить объ этомъ въ полицейское управленіе дежурному чиновнику. Черезъ полчаса послѣ ухода оттуда является городовой съ требованіемъ пожаловать къ исправнику и съ циркуляромъ для подписи. Циркуляръ этотъ исходилъ отъ генералъ-губернатора и гласилъ, что виновный въ самовольной, безъ разрѣшенія надлежащихъ властей, отлучкѣ изъ мѣста водворенія куда бы то ни было (хотя бы за околицу села или по ту сторону Лены для прогулки—подумалось мнѣ сейчасъ же) подлежитъ высылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Якутской области. Подписаться въ объявленіи мнѣ этого циркуляра я отказался, считая такой отказъ своимъ законнымъ правомъ, а самый циркуляръ—незаконнымъ, такъ какъ самовольныя отлучки предусматриваются Уставомъ о состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ, и ген.-губернаторъ не вправѣ собственной властью отмѣнить статью этого Устава. Къ исправнику же я пошелъ. Послѣдній въ грубой формѣ заявилъ мнѣ, что я долженъ былъ попросить разрѣшеніе у него лично, и что „за это“ онъ мнѣ не разрѣшаетъ отлучки. Я возразилъ, что считалъ достаточнымъ свое заявленіе въ полицейскомъ управленіи, и что мнѣ казалось неловкимъ ходить за разрѣшеніемъ къ исправнику на домъ въ воскресенье, да еще и въ масляницу. Но это возраженіе не было принято во вниманіе, и разрѣшеніе мнѣ не было дано, да я и не просилъ его. Въ Макаровское я такъ и не поѣхалъ. На другой день всѣ политическіе ссыльные гор. Киренска были приглашены въ полицейское управленіе для подписанія циркуляра, и всѣ подписаться отказались по соображеніямъ, аналогичнымъ только что упомянутымъ мною. Исправникъ убѣждалъ, грозилъ, но тщетно. Тогда онъ отпустилъ насъ съ миромъ, а самъ, повидимому, настрочилъ донесеніе куда слѣдуетъ. И вотъ, не знаю за что-за покушеніе ли на самовольную отлучку (ибо отлучка, какъ я сказалъ, не состоялась), или за подстрекательство товарищей не подписать циркуляра, ибо нельзя же предположить, что люди отказываются подписывать циркуляръ, не будучи подстрекаемы къ этому другимъ человѣкомъ—какъ бы то ни было, но черезъ нѣсколько недѣль получилось изъ Иркутска распоряженіе немедленно же выселить меня въ село Нижнеилимское, распоряженіе, ничѣмъ, при этомъ, не мотивированное. Къ этому времени жена родила ребенка, и такъ какъ исправникъ съ непонятной жестокостью настаивалъ, чтобы я ѣхалъ сейчасъ же съ ребенкомъ, которому еще не было 3-хъ недѣль отъ роду, и такъ какъ я зналъ, что дорога въ Нижнеилимскъ трудная—приходится переѣзжать черезъ Илимскій горный хребетъ—то я и просилъ губернатора отложить мою отправку, пока ребенокъ хоть немного подростетъ и окрѣпнетъ для такого труднаго пути верстъ въ 600. На это я получилъ двукратный отказъ. Тогда, видя, что ходатайствами ничего не добьешься, я заявилъ исправнику, что раньше чѣмъ ребенку не исполнится $1^1/_2$ мѣсяца, я не поѣду ни въ коемъ случаѣ—пусть силой берутъ меня и мою семью. Когда наступилъ срокъ, поставленный мною исправнику, я выѣхалъ въ Нижнеилимское. Съ Усть-Кута мы

пересѣли на лодку; приходилось плыть иногда за полночь, пока достигнемъ станка, въ туманѣ и сырости, въ открытой лодкѣ, и это съ тремя дѣтьми, изъ которыхъ одному едва минуло шесть недѣль, и со старухой матерью. Затѣмъ до Илимска на протяженіи нѣсколькихъ станковъ приходится переѣзжать черезъ хребетъ. Дорога трудная, тихая. И мы все время опасались за ребенка, какъ бы у него не случилось сотрясенія мозга. Но вотъ и Нижнеилимскъ. Начинаемъ устраиваться, предвидятся кой какіе заработки: мы рады хоть тому, что можно, наконецъ, отдохнуть послѣ столь труднаго пути. Нашимъ ожиданіямъ не суждено было сбыться: на третій день послѣ пріѣзда въ Нижнеилимскъ получается изъ Иркутска депеша о томъ, чтобы меня немедленно отправили обратно въ Усть-Кутъ для присоединенія къ партіи. За что, куда — объ этомъ въ депешѣ не говорилось. И вотъ не успѣли мы еще и вещей распаковать, какъ пришлось тотчасъ же пуститься въ обратное путешествіе. На этотъ разъ оно оказалось много труднѣе прежняго. Не доѣзжая верстъ 15—20 до станка Мука, мы попали подъ жесточайшій ливень, который промочилъ насъ до ниточки. Дѣти заболѣли коклюшемъ, отъ котораго они освободились лишь мѣсяцъ спустя послѣ пріѣзда въ Якутскъ. Въ Усть-Кутѣ, въ ожиданіи прибытія паузка, мы прожили двѣ недѣли, тѣснясь въ одной жалкой комнаткѣ, безъ денегъ, живя на однѣ лишь кормовыя. Въ Усть-Кутѣ же мы имѣли возможность наблюдать нѣсколько случаевъ примѣненія кутайсовскихъ циркуляровъ. За желаніе свидѣться съ прибывшей партіей двое товарищей — Бронштейнъ и Бассъ — были посажены приставомъ въ каталажку; къ подсудимому, товарищу Закону, оставленному по болѣзни въ Усть-Кутѣ и лежавшему тогда въ лихорадкѣ, съ сильно повышенной температурой, является приставъ и требуетъ, чтобы онъ немедленно же всталъ и отправился къ пароходу для слѣдованія въ Якутскъ вмѣстѣ съ прибывшей партіей, причемъ онъ предупредительно заявляетъ, что если Законъ не хочетъ или не въ силахъ пойти на пароходъ, то его возьмутъ силой, живого или мертваго, такъ какъ получилось объ этомъ распоряженіе изъ Иркутска — взять Закона на пароходъ, все равно, въ какомъ бы состояніи здоровья онъ тогда ни находился. Усть-Кутскій врачъ показывалъ мнѣ строжайшее распоряженіе изъ Иркутска — оставлять изъ партіи лишь серьезно больныхъ. Я спросилъ, что значитъ серьезный больной. „А вотъ, если ко мнѣ притащатъ полумертвымъ человѣка, я отсылаю его — умереть въ больницѣ“ — отвѣтилъ мнѣ докторъ.

Въ концѣ іюля прибылъ, наконецъ, нашъ паузокъ. Офицеръ, везшій партію, поручикъ Прусиновскій, былъ уже кутайсовскій: это видно было и по обращенію и по всему тому, что произошло впослѣдствіи въ пути. Было ясно, что онъ получилъ въ Иркутскѣ самыя строгія инструкціи и самыя неограниченныя полномочія. Въ Киренскѣ мы подверглись избіенію прикладами. Послѣ этого мы были предоставлены въ полное и безконтрольное распоряженіе солдатъ. Ни офицеръ, ни докторъ, вызванный нами для пе-

ревязки раненаго, къ намъ на паузокъ не явились. Паузокъ протекалъ, какъ рѣшето. Приходилось, укладывая дѣтей спать, стоять надъ ними съ тарелками, куда капала-бы вода съ крыши. Нельзя было найти сухого мѣста на паузкѣ. Дѣти (ихъ было пятеро, изъ нихъ двое грудныхъ), больныя коклюшемъ, страшно кашляли, и совершенно непонятно, какъ они остались живы при такой обстановкѣ. У офицера остались большіе запасы гнилого мяса и сквернѣйшихъ сухарей. Желая сплавить намъ эти продукты и притомъ по дорогой цѣнѣ, онъ запретилъ пускать насъ на берегъ для закупки припасовъ у крестьянъ. Въ Витимѣ мы требовали доктора для освидѣтельствованія дѣтей, — эту просьбу офицеръ просто игнорировалъ и оставилъ безъ послѣдствій. Такъ, подавленные и изголодавшіеся, — потому что въ послѣдніе дни пришлось питаться исключительно офицерскими сухарями — съ затаенной злобой въ душѣ, прибыли мы въ Якутскъ.

Это было 24 августа 1903 г. Въ Якутскѣ новый курсъ еще слабо чувствовался. Докутайсовскій режимъ, правда, уже отмеръ, но духъ его остался въ лицѣ губернатора Скрипицына. Съ отъѣздомъ его и перемѣной состава высшей областной администраціи жизнь становилась нестерпимѣй день ото дня. Приходила партія за партіей, принося съ собой вѣсти о новыхъ и новыхъ проявленіяхъ кутайсовскаго режима. Цѣлыя колоніи изъ Иркутской и Енисейской губ. посылались въ сѣверные округа Якутской области за попытки свиданія или за непочтительное обращеніе со шпіонами, ссылались иногда даже безъ всякаго указанія, за что ссылаются. Ни одна почти партія не обходилась безъ болѣе или менѣе крупныхъ столкновеній въ пути изъ-за свиданій. Въ Якутскѣ не оставляли даже на нѣсколько дней отправлявшихся въ сѣверные округа — Верхоянскъ и Колымскъ для покупокъ въ такой дальній и трудный путь. Товарища по моему дѣлу, Самуила Комая, назначеннаго въ Колымскъ, неоднократно приглашали въ полицію и предлагали уѣхать до отправки на Марху, угрожая въ случаѣ несогласія тюремнымъ заключеніемъ. Пришлось, въ концѣ концовъ, уѣхать на Марху. Нужно сказать, что Комай — чахоточный и не задолго до прихода въ ссылку былъ выпущенъ изъ больницы святого Николая въ Петербургѣ, гдѣ просидѣлъ 14 мѣсяцевъ. И вотъ, человѣкъ, которому достаточно малѣйшаго утомленія, чтобы у него началось колотье въ боку и кровохарканье, принужденъ совершить раза три въ недѣлю путешествія изъ Мархи въ городъ и обратно, разумѣется, пѣшкомъ и легко одѣтый; принужденъ, потому что онъ не выносилъ одиночества. За 3 дня до отправки въ Колымскъ, когда Комай былъ въ городѣ, чтобы сдѣлать необходимыя закупки и приготовить теплую одежду на дорогу, его призываютъ къ губернатору, и послѣдній настаиваетъ на томъ, чтобы Комай и на эти 3 дня уѣхалъ на Марху. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Колымскъ Комай покончилъ самоубійствомъ. Спрашивается, можно ли и нужно ли было трепать и безъ того измотавшіеся нервы этого человѣка многократными тасканіями въ полицію, высылками на Марху, усиленной слѣжкой со стороны сельскихъ властей: спра-

шивается, зачѣмъ, для какой цѣли понадобилось высылать его за три недѣли до отправки на Марху и настаивать на этомъ даже тогда, когда до отправки оставалось всего три дня; спрашивается наконецъ, можно ли и нужно ли было послать такого изболѣвшагося человѣка въ Колымскъ — почти на вѣрную смерть? Такіе вопросы ставили себѣ многіе изъ насъ и понятно, каковъ могъ быть отвѣтъ, и какія чувства вызывались одной постановкой подобныхъ вопросовъ. Что касается меня лично, то послѣ того, какъ я былъ признанъ негоднымъ къ отбыванію воинской повинности, меня начали усиленно выселять изъ Якутска сначала на Марху, гдѣ не оказалось квартиръ, а затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ назойливыхъ приглашеній и объясненій въ полиціи, я уѣхалъ въ Туллочинцы самъ, такъ какъ ѣхать туда со всей семьей было невозможно, да и смысла не имѣло. Приходилось день жить въ Якутскѣ, день въ Туллочинцахъ. Просилъ губернатора отложить мою отправку въ Верхоянскъ, пока дѣти немного подрастутъ и окрѣпнутъ для такого труднаго пути. Въ этомъ мнѣ было отказано, и этимъ отказомъ г. Булатовъ какъ-бы говорилъ мнѣ: поѣзжай с а м ъ въ Верхоянскъ, т. е. разлучись съ семьей на 5 лѣтъ, или поѣзжай съ семьей, рискуя заморозить или задушить въ дорогѣ ребенка, которому еще не исполнилось 9 мѣсяцевъ, а тамъ... живи, какъ знаешь, на казенное пособіе въ 19 рублей въ мѣсяцъ, когда цѣна пуда ржаной муки въ казенной продажѣ 11 рублей. Я рѣшился на первое и уже началъ готовиться въ путь. Но въ это время произошли 2 событія, которыя явились полѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія ссылки: избіеніе партіи въ Усть-Кутѣ и распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о прекращеніи отправки въ Россію окончившихъ срокъ ссылки на казенный счетъ. Наиболѣе жизнеспособные элементы ссылки сразу всколыхнулись, стало ясно, что пробилъ часъ дружнаго, общаго протеста, что нужно дать исходъ давно уже накопившемуся чувству возмущенія противъ нестерпимыхъ условій жизни въ ссылкѣ. Вмѣстѣ съ остальными подсудимыми я выставилъ извѣстныя вамъ требованія, требованія насущныя, минимальныя, законныя, ибо они сводились къ тому, чтобы въ отношеніи отлучекъ дѣйствовалъ законъ — уставъ о состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ, а въ отношеніи свиданій въ пути и отправки на казенный счетъ кончившихъ срокъ, чтобъ былъ возстановленъ тотъ порядокъ, который практиковался въ теченіе многихъ лѣтъ, очевидно, не вопреки закону. Я счелъ возможнымъ ограничиваться одними этими требованіями, требованіями, по существу своему, чисто консервативнаго характера, потому что удовлетвореніе даже однихъ этихъ требованій знаменовало бы собой установленіе такого строя отношеній между ссыльными и мѣстными властями, при которыхъ можно терпѣть ссылку до поры до времени. Отмѣна циркуляровъ гр. Кутайсова была важна для меня не столько потому, что отмѣнялись запрещенія свиданій, отлучекъ и т. д., сколько потому, что этимъ самымъ уничтожался (по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе крупныхъ своихъ проявленіяхъ) духъ прижимокъ, безцѣльной и ненужной жестокости, надругательства надъ ссыльными, измѣнялся

общій тонъ отношеній между ссылкой и мѣстной администраціей, отношеній многообразныхъ и часто болѣе чувствительныхъ въ мелкихъ, чѣмъ въ крупныхъ столкновеніяхъ и случаяхъ. Возникалъ вопросъ, какъ добиться нашихъ болѣе чѣмъ скромныхъ цѣлей. Добиваться удовлетворенія нашихъ требованій путемъ ходатайствъ по начальству было бы по меньшей мѣрѣ наивно со стороны людей, которые на волѣ стремились къ своей цѣли путемъ неустанной активной борьбы и которые въ ссылкѣ достаточно узнали цѣну подобныхъ ходатайствъ. Оставался путь активнаго протеста. И чѣмъ болѣе насущны и минимальны были наши требованія, чѣмъ нестерпимѣй становилась жизнь въ ссылкѣ, тѣмъ рѣшительнѣй и отчаяннѣй долженъ былъ быть нашъ протестъ. Непосредственной моей цѣлью было не уничтоженіе ссылки, какъ таковой, а достиженіе такихъ условій, при которыхъ можно терпѣть ссылку. Я говорилъ себѣ: наши требованія таковы, что ихъ нельзя не удовлетворить немедленно, пусть же знаютъ, что въ борьбѣ за нихъ мы готовы на смерть. Я убѣжденъ, что нашъ протестъ достигъ своей цѣли; я убѣжденъ, что теперь въ ссылкѣ установится новый строй отношеній, на основѣ, исключающей произволъ и надругательство надъ личностью ссыльнаго. Тѣ, кому знать сіе надлежитъ, не позабудутъ, что первый массовый протестъ ссылки былъ направленъ противъ циркуляровъ гр. Кутайсова, и я сомнѣваюсь, чтобы имъ пришла охота возобновить дѣйствіе этихъ циркуляровъ. Этого сознанія въ связи съ сознаніемъ общаго значенія нашего протеста—котораго я здѣсь не касался—съ меня совершенно достаточно, каково бы ни было ожидающее меня наказаніе.

Рѣчь Залкинда *).

Живу я уже въ Сибири 5 лѣтъ. При мнѣ были генер.-губернаторами Горемыкинъ и Пантелѣевъ. Нельзя сказать, чтобы при нихъ ссыльнымъ жилось особенно хорошо, но всетаки жить было можно. За отлучки внѣ предѣловъ стана виновные наказывались, согласно уставу о поднадзорныхъ, обыкновенно арестомъ отъ 1-го до 3-хъ дней, или штрафомъ въ 1 р., а за отлучки въ предѣлахъ стана вовсе не наказывались. Свиданія съ приходящими партіями разрѣшались, переводы въ другія мѣста тоже давались сравнительно легко; достаточно было медицинскаго свидѣтельства врача, или указать на отсутствіе заработка, чтобы получить переводъ. Но со вступленіемъ въ управленіе краемъ графа Кутайсова, вся кратина сразу мѣняется; все то, что раньше было возможно и законно, теперь при Кутайсовѣ стало невозможнымъ и незаконнымъ. Я не стану останавливаться на всѣхъ этихъ мелкихъ придиркахъ и притѣсненіяхъ, которыя намъ ссыльнымъ

*) Залкиндъ Аронъ Мойсеевичъ, ювелиръ, арестованъ (во 2-ой разъ) въ Ковнѣ въ 1898 г. по дѣлу Бунда.

приходилось за это время перетерпѣть отъ мѣстнаго начальства. Мнѣ были предъявлены 2 циркуляра, въ коихъ было сказано, во 1-хъ, что за самовольную отлучку я буду высланъ въ самыя глухія мѣста Якутской области, а, во 2-хъ, за встрѣчу партіи по дорогѣ будетъ то же самое. Меня хотѣли обязать подпиской въ выполненіи этихъ циркуляровъ, но я дать подписку отказался. Я хочу вамъ, г. судьи, разсказать еще только одинъ фактъ изъ моей жизни въ ссылкѣ. Я дважды кончилъ срокъ ссылки и дважды получилъ прибавки: я всего былъ сосланъ на 4 года, и вотъ за 6 мѣсяцевъ передъ окончаніемъ срока я былъ арестованъ въ селѣ Знаменскомъ, отправленъ въ Иркутскъ; тамъ я просидѣлъ 7 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ и получилъ годъ прибавки. Я уже отбылъ и этотъ срокъ, мнѣ уже оставалось какихъ-нибудь 3-4 мѣсяца, какъ вдругъ я былъ вторично арестованъ, и высланъ въ Якутскъ, и вотъ при какихъ условіяхъ. Въ первыхъ числахъ октября 1903 г. въ квартирѣ гдѣ я жилъ съ еще 3-мя товарищами, ворвались ночью урядникъ и нѣсколько человѣкъ десятскихъ. Мы были удивлены ихъ появленіемъ въ такое позднее время, но урядникъ предъявилъ мнѣ телеграмму отъ Верхоянскаго исправника, гдѣ было сказано, чтобы меня и двухъ моихъ товарищей, Шадовскаго и Веиха, немедленно арестовать и заключить въ волостную тюрьму для слѣдованія въ Якутскъ. Мы стали было просить, чтобы намъ дали время собрать свои вещи и уладить свои дѣла, такъ какъ нашъ арестъ былъ для насъ неожиданностью, но тщетно: насъ не удовлетворили, и мы были посажены въ волостную тюрьму. Причины ни ареста, ни высылки намъ не была при этомъ объяснена, къ намъ не было даже примѣнено тѣхъ обычныхъ формальностей, которыя обыкновенно примѣняются при арестѣ. Такъ мы просидѣли въ волостной тюрьмѣ съ мѣсяцъ въ ожиданіи саннаго пути по Ленѣ; въ ноябрѣ мѣсяцѣ насъ отправили въ село Жигалово для присоединенія къ партіи. На слѣдующій день прибыла партія, но начальникъ конвоя отказался принять насъ на томъ основаніи, что у него нѣтъ никакихъ распоряженій относительно насъ. Партія уѣхала, а мы остались; я и товарищи были возмущены этимъ поступкомъ администраціи и потребовали, чтобы насъ отправили сельскимъ движеніемъ, или же чтобы послали телеграмму губернатору. Въ отвѣтъ на эти наши просьбы приставъ велѣлъ уряднику отправить насъ обратно въ тутурскую волостную тюрьму. Мы отказались ѣхать, тогда пришли два урядника и десятокъ ямщиковъ и стали брать насъ силой. Силой мы и были отправлены обратно въ тюрьму, просидѣвъ нѣсколько дней, и наконецъ были присоединены къ партіи и уѣхали въ Якутскъ. 25-го декабря мы прибыли въ Якутскъ. По прибытіи туда я опять сталъ добиваться причины моей высылки, но нигдѣ и ни у кого не могъ этого добиться. Но наконецъ мнѣ удалось узнать. Полицмейстеръ прочелъ мнѣ какую-то неоффиціальную бумажку, въ коей было сказано, что я высылаюсь за открытое сопротивленіе властямъ. Я, гг. судьи, былъ пораженъ. Вѣдь если бы я даже хотѣлъ оказать сопротивленіе, то не могъ уже по одному тому, что тамъ въ селѣ и сопротив-

ляться то было некому, а если и было что нибудь, то вамъ, гг. судьи, тов. Израильсонъ уже разсказалъ, за какое сопротивленіе онъ былъ высланъ въ Якутскъ. Аналогичное же сопротивленіе было и у меня, только разница въ томъ, что у тов. Израильсона при этомъ въ рукахъ былъ револьверъ, чтобы самого себя убить, а у меня и этого не было. Я былъ назначенъ въ 35 верстахъ отъ Якутска въ Кильданскій наслегъ, я уже примирился съ своей высылкой въ Якутскъ и уѣхалъ живя одной мечтой, что хотя я теперь въ Якутскѣ, но всетаки я скоро поѣду на родину, домой, но, увы, мечты мои были разбиты однимъ почеркомъ пера мин. внутр. дѣлъ. Когда мнѣ оставалась всего одна недѣля до окончанія срока, я пріѣхалъ въ городъ, пошелъ въ окружное управленіе просить, чтобы приготовили мнѣ мои бумаги заранѣе, чтобы мнѣ не приходилось долго ждать и чтобы я могъ на завтра же по окончаніи срока уѣхать. Въ отвѣтъ на эту мою просьбу исправникъ меня спросилъ: „а скажите, пожалуйста, вы какъ пришли въ городъ, съ разрѣшенія или безъ“? Я отвѣтилъ, что безъ разрѣшенія, тогда онъ мнѣ сказалъ: „Вы вѣдь знаете, что за самовольную отлучку ссылаютъ въ Колымскъ“, причемъ прибавилъ, что относительно меня нѣтъ никакихъ бумагъ, и не знаетъ, кончаю ли я срокъ или нѣтъ, и совѣтовалъ мнѣ сходить въ Областное правленіе справиться объ этомъ. Я пошелъ туда сейчасъ же, вызвалъ секретаря Бахерта и повторилъ ему мою просьбу о загатовкѣ заранѣе моихъ бумагъ къ отъѣзду. Этотъ чиновникъ задалъ мнѣ тотъ же самый вопросъ, что и исправникъ: пріѣхалъ ли я въ городъ съ разршенія или безъ? и, получивъ тотъ же отвѣтъ что и исправникъ, сказалъ, что на родину я не поѣду. Я спросилъ: почему? и онъ съ улыбкой отвѣтилъ: „*Вамъ маленькая прибавочка*“. Я поспѣшно спросилъ: „сколько?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „5 лѣтъ“. Я, гг. судьи, остолбенѣлъ и нѣсколько секундъ молча глядѣлъ на этого чиновника, и лишь, придя въ себя я спросилъ: „За что?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „за самовольную отлучку“. Я сказалъ: „но вѣдь я за все время моей ссылки почти ни разу самовольно не отлучался“. Тогда онъ сказалъ, что впрочемъ хорошо не знаетъ и что онъ дастъ мнѣ прочесть бумагу. Я сталъ читать эту бумагу. Вотъ ея содержаніе: „На основаніи 138-ой ст. положенія о государственной охранѣ — особымъ присутствіемъ департамента полиціи мин. внутр. дѣлъ опредѣлилъ продлить срокъ ссылки ссыльно-политическому Арону Залкинду, въ предѣлахъ Якутской области, еще на 5 лѣтъ, считая срокъ съ 17 февраля 1904 г. по 17 февраля 1909 года“, и только. Ни опять ни слова мотивировки такого приговора.

Рѣчь Закона *).

Я хочу объяснить, во-первыхъ, почему я нашелъ необходимымъ протестовать и, во-вторыхъ, почему я выбралъ именно такую форму протеста. Остановлюсь сначала на циркулярѣ о свиданіяхъ. Циркуляръ этотъ гласитъ приблизительно слѣдующее: Политическіе ссыльные по дорогѣ въ Сибирь имѣютъ свиданія съ уже живущими тамъ товарищами, получаютъ отъ нихъ корреспонденцію и деньги, что является совершенно нежелательнымъ. Эти слова комментаріевъ не требуютъ. Свидѣтель Чаплинъ (вице-губернаторъ) сказалъ, что эти свиданія только въ очень рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ своею цѣлью матеріальную поддержку проѣзжающихъ. Насколько это соотвѣтсвуетъ истинѣ, вы можете заключить изъ фактовъ, извѣстныхъ мнѣ изъ моего кратковременнаго опыта, который и намѣренъ изложить тутъ. Я выѣхалъ изъ села Александровскаго 11 іюня 1903 г. Партія наша была довольно многочисленная. Очень многіе изъ ея членовъ были арестованы внезапно на улицѣ и черезъ нѣсколько дней уже были отправлены въ далекую Сибирь. Надо ли прибавить, что они оказались совсѣмъ не приготовленными къ совершенію такого путешествія. Нечего говорить о теплой верхней одеждѣ: у многихъ недоставало самаго необходимаго. Достаточно сказать, что въ Верхоленскѣ мы купили сапоги. Да и развѣ одни внезапно арестованные очутились въ такомъ положеніи?! Были и такіе, которые ожидали въ россійскихъ тюрьмахъ момента отправки, а всетаки пришли въ Сибирь безъ многаго, очень необходимаго. Я уже не говорю про несостоятельныхъ: въ такомъ же положеніи оказались и люди состоятельные по милости офицера, принимавшаго ихъ изъ первой тюрьмы. Намъ, политическимъ, полагается брать съ собой до 5 пудовъ багажа, но офицеръ нерѣдко позволяетъ взять только 30 фунтовъ, норму, установленную для уголовныхъ. Судите теперь, нуждаются ли политическіе въ свиданіяхъ по пути слѣдованія съ цѣлью хоть получить какую нибудь помощь отъ товарищей и что означаетъ для насъ циркуляръ о свиданіяхъ. Впрочемъ, я и вся наша партія не испытали на себѣ его прелестей, ибо онъ сталъ примѣняться только начиная со второй лѣтней партіи 1903 г. Да и вообще, путь для нашей партіи прошелъ сносно, но этимъ мы обязаны не доброму нраву офицера, а настроенію самой партіи, съ которымъ офицеру волей-неволей приходилось считаться, если онъ не хотѣлъ доводить дѣло до серьезнаго скандала. Наша партія тронулась изъ Александровска послѣ побѣдоноснаго исхода двухнедѣльнаго сидѣнія за баррикадами въ Александровской тюрьмѣ, и офицеръ зналъ, что всякія стѣсненія встрѣтятъ съ нашей стороны должный отпоръ. Но если мнѣ счастливо удалось (за исключеніемъ одного случая,

*) Законъ Хаимъ Залмановичъ, перчаточникъ. арестованъ (въ 4-ый разъ) въ Варшавѣ въ 1903 г., по дѣлу Бунда и П. С. Д.

о которомъ рѣчь будетъ ниже) по пути избѣгнуть новаго курса, то я его скоро извѣдалъ уже въ Якутской области. Меня поселили въ Намскомъ улусѣ. Первые нѣсколько мѣсяцевъ прошли спокойно. Но вотъ въ одно прекрасное утро ко мнѣ пріѣзжаетъ земскій засѣдатель и привозитъ съ собою два циркуляра, „милую заботу“ гр. Кутайсова о ссыльныхъ.

Предсѣдатель: „Не можете ли вы выражаться иначе: я не могу допустить подобныхъ выраженій“... Сразу вся атмосфера перемѣнилась: „наслегъ“ ожилъ, якуты устраивали собранія, обсуждали вопросъ о томъ, какъ обращаться съ нами, постановили не давать намъ лошадей, назначили спеціальныхъ надзирателей для наблюденія за нами. Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ въ юрту является пьяный якутъ, приноситъ циркуляры, предъявленные уже мнѣ засѣдателемъ, а вдобавокъ даетъ мнѣ читать „бумагу“, которая говоритъ, что онъ „приставленъ“ слѣдить за нами. Я ему сказалъ, чтобы онъ не смѣлъ ходить ко мнѣ, если ему дорога его жизнь. Якутъ поспѣшно удалился и больше не являлся. Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ въ юрту врываются другіе три якута, а одинъ изъ нихъ, не видя передъ собою моего другого товарища, съ которымъ я жилъ вмѣстѣ, спрашиваетъ, гдѣ мой товарищъ. Я спрашиваю: „Зачѣмъ тебѣ товарищъ?“—Какъ такъ! — отвѣчаетъ якутъ—мнѣ на него смотрѣть надо. „Если хочешь придти въ гости, возразилъ я ему, пожалуйста, приходи, но если думаешь слѣдить за нами, то не смѣй являться: я прямо застрѣлю“, и тутъ же указалъ ему на висѣвшій револьверъ. Угроза подѣйствовала, якуты больше не являлись. Такимъ же методомъ и товарищъ мой по колоніи отбилъ у якутовъ всякую охоту исполнять роль шпіоновъ. Прошло недѣли 2-3. Мнѣ понадобился докторъ, который живетъ въ 20 верстахъ отъ насъ. Къ намъ въ наслегъ онъ никогда не заѣзжаетъ. Единственный фельдшеръ, старый николаевскій солдатъ, услугами котораго мы раньше пользовались, получилъ приказъ отъ своего „непосредственнаго начальства“—врача, не захаживать къ намъ. Бѣдный фельдшеръ такъ перепугался, что, давъ однажды мнѣ лѣкарство, онъ категорически отказался записать меня въ свою отчетную книжку, чтобъ „не навлечь на себя подозрѣнія“. И вотъ я нездоровъ: надо съѣздить къ доктору, и я для этого нанялъ лошадей. Но ихъ хозяинъ черезъ полчаса послѣ своего соглашенія приходитъ съ вопросомъ, есть ли у меня „бумага“, т. е. „отпускная грамота“; получивъ отвѣтъ, что у меня нѣтъ таковой, онъ беретъ назадъ свое обѣщаніе дать мнѣ лошадей. Я обращался къ многимъ якутамъ съ просьбой о лошадяхъ, но отъ всѣхъ получалъ такой же отвѣтъ. А тутъ еще у насъ появилась нужда въ мукѣ, которую мы покупали верстахъ въ 8 отъ наслега. Пѣшкомъ идти не позволяли холода (это было въ ноябрѣ), пришлось отправить одного изъ „полноправныхъ“ жителей наслега за покупкой. Черезъ нѣкоторое время я выхлопоталъ разрѣшеніе съѣздить въ Якутскъ на нѣсколько дней. По дорогѣ я заѣхалъ къ засѣдателю и спросилъ, по чьему это распоряженію якуты перестали давать лошадей. Засѣдатель выразилъ на своемъ лицѣ полное недоумѣніе,

заявивъ, что онъ никакихъ подобныхъ распоряженій не отдавалъ. Пріѣзжаю въ городъ, захожу къ исправнику съ тѣмъ же вопросомъ. Послѣдній тоже сдѣлалъ видъ, что впервые слышитъ о такомъ распоряженіи. Выходитъ, что якуты по своей доброй волѣ отказались дать лошадей и это тѣ самые якуты, которые до того времени охотно отпускали лошадей, находясь съ нами въ хорошихъ отношеніяхъ и желая зарабатывать. Надо ли мнѣ доказывать, что засѣдатель и исправникъ лицемѣрили, прячась за спину невѣжественныхъ исполнителей-якутовъ?! Что же остается намъ дѣлать при запрещеніи давать лошадей? Лѣтомъ можно ходить пѣшкомъ, а зимою? ждать разрѣшенія начальства? Но, увы, разрѣшеніе получишь только тогда, когда въ немъ уже нѣтъ надобности. Напишешь прошеніе, а какъ его переслать въ „Управу“, находящуюся въ 20 верстахъ отъ наслега? Никакихъ постоянныхъ сношеній съ ней въ нашемъ „наслегѣ“ нѣтъ: письма и прошенія приходится пересылать оказіей и вотъ изволь ждать, пока она подвернется. А потомъ прошеніе идетъ изъ „Управы“ въ городъ и обратно въ „Управу“, гдѣ оно опять будетъ ждать оказіи, чтобы вернуться къ намъ съ положительнымъ отвѣтомъ (я уже не говорю о возможномъ, а въ послѣднее время почти вѣрномъ отказѣ). Положеніе ссыльныхъ въ отношеніи отлучекъ, какъ и во всѣхъ другихъ, далеко не такъ благополучно, какъ хотѣлъ увѣрить васъ свидѣтель Чаплинъ и не прихотью, не капризомъ явился нашъ протестъ, а какъ отвѣтъ на всѣ тѣ безобразія, которыя рисовали вамъ мои товарищи, каждый по своему опыту. Но почему я выбралъ именно такую форму протеста? Почему я не прибѣгалъ къ прошеніямъ, ходатайствамъ и т. д.? Горькій опытъ меня научилъ, какую цѣну можно дать всѣмъ этимъ мирнымъ просьбамъ. Онѣ даютъ въ результатѣ только униженія и оскорбленія и оставляютъ горькій осадокъ глубокой обиды за то, что всѣ твои ходатайства остаются безъ малѣйшаго вниманія. Да и смѣшно было бы надѣяться ходатайствами смягчить тѣхъ, кто своими циркулярами стремятся положительно истребить ссыльныхъ...

Предсѣдатель: Я не могу дать говорить о циркулярахъ, о которыхъ суду спеціально ничего неизвѣстно.

Законъ: Этотъ циркуляръ мнѣ лично былъ предъявленъ; я его самъ читалъ — и не моя вина въ томъ, что вы оффиціально ихъ не знаете!

Предсѣдатель: Продолжайте.

Законъ: Мы могли бы избрать мирныя средства борьбы, такъ называемый „пассивный протестъ“, но и тутъ опытъ предостерегъ меня отъ ошибочнаго пути. Всѣ эти мирные протесты кончаются надругательствомъ, избіеніемъ и высылкой въ „отдаленнѣйшія мѣста“. Разсказъ тов. Хацкелевича объ избіеніи его партіи служитъ наилучшей иллюстраціей моей мысли. Мое двухлѣтнее скитаніе по тюрьмамъ дало мнѣ много примѣровъ, какъ администрація относится къ просьбамъ ея жертвъ и какъ она отвѣчаетъ на малѣйшее выраженіе недовольства послѣдними, хотя бы въ самой мирной формѣ „пассивнаго сопротивленія“. А впро-

чемъ, вотъ вамъ характерный эпизодъ изъ моего путешествія въ Якутскъ. Меня оставилъ докторъ по болѣзни въ Усть-Кутѣ, а партія поѣхала дальше. Черезъ недѣлю проѣхала другая партія и приставъ явился ко мнѣ съ требованіемъ, чтобъ я отправился въ путь. У меня было свыше 39 градусовъ жару и я категорически отказался ѣхать. Тогда приставъ начинаетъ „принимать мѣры", чтобы лишить меня защиты со стороны двухъ товарищей, жившихъ со мною въ одномъ домѣ, ихъ арестовываютъ самымъ наглымъ образомъ...

Предсѣдатель: Я не могу позволить такъ выражаться.

Законъ: Но это такъ было въ дѣйствительности.

Предсѣдатель: Да, но выражайтесь иначе.

Законъ: И потомъ приставъ заявляетъ мнѣ, что онъ меня возьметъ во что бы то ни стало живымъ или мертвымъ. Скоро въ мою квартиру ворвалась цѣлая орава десятскихъ и сотскихъ для исполненія приказа пристава. Нечего было тутъ думать объ активномъ сопротивленіи одинокаго, безоружнаго больного этой дикой ордѣ, и я поѣхалъ. Этотъ и многіе другіе факты укрѣпили меня въ мысли, что администрація считается съ нашими требованіями лишь постольку, поскольку она видитъ за нами дѣйствительную силу, и что чѣмъ дороже мы рѣшаемъ продать свою жизнь, тѣмъ больше у насъ шансовъ, что побѣда окажется на нашей сторонѣ...

Предсѣдатель обезпокоился, завозился на своемъ креслѣ и сказалъ: „Э... э... это ужъ совсѣмъ невозможно, этого я не могу допустить!"

Законъ — садится на свое мѣсто.

Рѣчь И. Хацкелевича.*)

(5-го августа).

Я разскажу про то, что случилось со мной по пути изъ Александровской тюрьмы въ Якутскъ. Дѣло было такъ: 12 января с. г. мы выѣхали въ числѣ 24 человѣкъ. Въ с. Манзуркѣ мы узнали, что тамъ есть нѣсколько человѣкъ политическихъ ссыльныхъ; были среди нихъ и знакомые. Хотѣлось намъ свидѣться съ ними, мы заявили объ этомъ конвойному жандарму. Онъ сначала отказалъ, но послѣ убѣжденій съ нашей стороны онъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы 2-3 человѣка пошли въ лавку и тамъ могутъ видѣться, съ кѣмъ хотятъ. Такъ и было: сходили, свидѣлись, поговорили и уѣхали дальше. По пріѣздѣ въ с. Усть-Кутъ, мы узнали, что тамъ тоже есть политическіе ссыльные, тоже знакомые. Мы опять попросили разрѣшенія у жандарма свидѣться съ ними, но онъ отказалъ, ссылаясь на то, что онъ самъ не мо-

*) Хацкелевичъ Илья Гиршевичъ, слесарь, арестованъ въ Кіевѣ въ 1900 году за участіе въ нелегальномъ спектаклѣ.

жетъ разрѣшить свиданій, но если мѣстный приставъ разрѣшитъ, то онъ ничего противъ не имѣетъ. Тогда мы его попросили послать кого-нибудь къ приставу съ приглашеніемъ къ намъ, но вмѣсто пристава пришелъ мѣстный урядникъ и заявилъ, что приставъ спрашиваетъ, что намъ угодно. Мы ему заявили о своемъ желаніи свидѣться съ мѣстными ссыльными товарищами. Тогда онъ заявилъ, что приставъ изъ-за такихъ пустяковъ не ходитъ, а свиданія имѣть воспрещается, такъ что объ этомъ нечего и думать. Когда нѣкоторые товарищи попытались ему доказать, насколько важно и необходимо это свиданіе, то онъ отвѣтилъ, что ему до этого дѣла нѣтъ. Услыхавъ отъ него такія рѣчи, мы категорически заявили, что если самъ приставъ не явится и не разрѣшитъ намъ свиданія, мы отказываемся ѣхать дальше. Онъ повернулся и ушелъ, черезъ нѣкоторое время явился самъ приставъ. Онъ заявилъ намъ, что никакихъ свиданій не разрѣшаетъ. Когда у него спросили о мотивахъ отказа, онъ заявилъ, что не обязанъ мотивировать свой отказъ. „Но если вамъ интересно знать“ — сказалъ онъ — „то я заявляю, что у насъ есть предписаніе отъ иркутскаго генералъ губернатора, „чтобы свиданій ни въ коемъ случаѣ не давать, и если вы не повинуетесь моимъ распоряженіямъ, то я прикажу васъ взять силой“. На это мы ему заявили, что пусть онъ дѣлаетъ съ нами, что хочетъ, но чтобы дѣло не доходило до непріятностей, которыя нежелательны, пусть лучше телеграфируетъ иркутскому губернатору, что такая-то партія проситъ разрѣшенія свиданія; въ противномъ случаѣ она отказывается ѣхать дальше. Онъ отказалъ и добавилъ: „у меня есть особыя инструкціи, и если партіи не захотятъ ѣхать безъ свиданій, то брать ихъ силой, и потому заявляю вамъ, что я васъ увезу отсюда „тепленькими“, и совѣтую уѣхать безъ скандаловъ“. Тогда ему староста заявилъ, что мы рѣшились на все, т. е. что скандалъ намъ не страшенъ, но что отвѣтственность падетъ на него. А лучше всего, если онъ не желаетъ на свой счетъ отправить телеграмму губернатору, то мы согласны отправить ее на собственный счетъ. Но онъ все-таки не согласился. Урядникъ между прочимъ заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ сдѣлался бы палачемъ и перерѣзалъ бы всѣхъ политическихъ, какъ собакъ. Конечно на такія слова нельзя было молчать. И вотъ начавшійся крупный разговоръ кончился тѣмъ, что приставъ приказалъ взять одного изъ нашихъ товарищей. Тогда бросился съ шашкой урядникъ, солдаты съ ружьями, десятскіе и сотскіе съ веревками и началось самое жестокое избіеніе. Приставъ въ это время исчезъ куда-то. Избивая и связывая, насъ вывели во дворъ въ однѣхъ рубашкахъ, безъ шапочъ посадили въ кошевы, и подъ усиленнымъ конвоемъ сотскихъ и десятскихъ отправили насъ изъ села. Такъ мы проѣхали станокъ. Избитые и измученные, мы отправились дальше, въ надеждѣ, что въ Киренскѣ навѣрное будемъ имѣть свиданіе съ товарищами. Когда мы пріѣхали въ Киренскъ, является къ намъ товарищъ прокурора съ вопросомъ, нѣтъ-ли какихъ нибудь жалобъ. Мы рѣшили подать ему жалобу. Описали все происшедшее въ Усть-Кутѣ и по-

дали ему: онъ обѣщалъ разслѣдовать дѣло; потомъ на слѣдующій день мы заявили мѣстному исправнику, что просимъ свиданіе съ мѣстными товарищами, политическими ссыльными. Онъ заявилъ, что это зависитъ отъ товарища прокурора, обращаемся къ тов. прокурора, тотъ отвѣчаетъ, что это не его дѣло, а этимъ завѣдуетъ самъ исправникъ. Видя, что одинъ на другого сваливаетъ, мы опять рѣшили заявить, что если намъ не дадутъ свиданія, мы добровольно не поѣдемъ, пусть дѣлаютъ, что ходятъ, мы активно сопротивляться не будемъ, и вотъ послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ исправникъ отдалъ распоряженіе запрягать лошадей и принести веревокъ. Затѣмъ онъ велѣлъ насъ одѣть, связать намъ руки и вести по одиночкѣ къ кошевамъ. Такъ насъ всѣхъ усадили силой и увезли. Измученные физически и нравственно, мы принуждены были отказаться отъ свиданій. Пріѣхавъ въ Якутскъ и познакомившись съ условіями жизни въ ссылкѣ, я рѣшилъ, что лучшаго исхода нѣтъ, какъ избрать тотъ путь, который я избралъ, т. е. итти въ „Романовку“.

Рѣчь И. Виленкина.

(5-го августа).

Находясь почти съ самаго начала протеста въ казармѣ и въ лазаретѣ, я былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ той атмосферы, изъ которой съ неизбѣжной логикой вещей должны были вытечь всѣ поступки солдатъ, имѣвшіе мѣсто около стѣнъ дома Романова. На моихъ глазахъ происходило постепенно озвѣрѣніе большинства солдатъ, развивавшееся подъ вліяніемъ подозрительныхъ статскихъ лицъ, посѣщавшихъ тогда казарму, подъ вліяніемъ фельдфебеля, вліятельнаго лица въ ротѣ. При мнѣ-же начали раздаваться голоса: „надо ихъ раздразнить, надо ихъ вызвать, а то изъ-за нихъ (при этомъ прибавлялась ругань непечатнаго лексикона) сидишь безъ отпуску“. Въ этой атмосферѣ ожесточенія и ненавистничества задумывались самые коварные планы: вызывались охотники проникнуть въ нижній этажъ дома Романова и оттуда стрѣлять, говорилось о стрѣльбѣ съ постовъ, словомъ, о всевозможныхъ средствахъ для вызова сидѣвшихъ въ домѣ Романова на какіе-либо активные поступки. Доминирующую роль во вліяніи на остальныхъ солдатъ команды, кромѣ фельдфебеля, играли иркутскіе солдаты, прибывшіе съ одной изъ политическихъ партій и участвовавшіе въ ея избіеніи въ Усть-Кутѣ. Кругомъ насъ, т. е. солдатъ изъ политическихъ ссыльныхъ, господствовала непріятнѣйшая атмосфера; вѣчная ругань и угрозы по нашему

*) Виленкинъ Илья Леонтьевичъ, арест. 30 декабря 1900 г. (во второй разъ) по дѣлу минскаго комитета Бунда (въ первый разъ привлекался по тому же дѣлу весной того же года). Получилъ въ охранномъ порядкѣ 5 лѣтъ Вост. Сибири.

адресу и адресу товарищей, сверкающіе жестокостью и злобой, пронизывающіе взгляды солдатъ—все вмѣстѣ взятое столь отравляло наше существованіе, что дѣлало невозможнымъ наше дальнѣйшее пребываніе въ казармѣ. Начальникъ команды, опасаясь возможности столкновеній между нами и солдатами и сопряженныхъ съ ними послѣдствій, перевелъ насъ въ лазаретъ. Опасенія начальника не замедлили подтвердиться: черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ лазаретъ туда принесли окровавленнаго товарища Башиса. Его ранилъ иркутскій солдатъ ударомъ ножа въ спину, причемъ прибавилъ: „все равно онъ солдатомъ не будетъ, онъ внутренній врагъ“. Этотъ звѣрскій поступокъ явился непосредственнымъ откликомъ агитаціи фельдфебеля противъ политическихъ, вообще, и романовцевъ въ частности.

Находясь въ лазаретѣ, я уже не могъ непосредственно наблюдать все тамъ происходившее, но посѣщавшіе лазаретъ солдаты разсказывали открыто про подвиги отдѣльныхъ „героевъ“. И все то, что такъ тщательно скрывалось свидѣтелями отъ взоровъ судей,-все это являлось достояніемъ всей казармы, всѣхъ солдатъ, и въ частности зналъ обо всемъ этомъ и я. Все то, о чемъ въ казармѣ говорилось, какъ о геройскомъ подвигѣ, здѣсь на судѣ упорно замалчивалось—съ одной стороны, подъ вліяніемъ фельдфебеля и унт.-офицеровъ, съ другой—изъ-за боязни отвѣтственности за свои продѣлки. Въ то время ни для кого не было тайной, что часовой Федотъ Соловьевъ, стоя на посту, поднялъ винтовку и штыкомъ закрылъ ставень; когда ставень одинъ изъ товарищей открылъ, Соловьевъ схватилъ лошадиный пометъ (въ мартѣ онъ имѣетъ характеръ окаменѣлости), бросилъ имъ въ товарища и попалъ въ руку; товарищи закричали: „отойдите, не закрывайте ставень, а то мы будемъ стрѣлять“. „Стрѣлять“ получился отвѣтъ. Всѣ говорили о томъ, и на судѣ это установлено, что солдатъ Семенъ Федоровъ сдѣлалъ шесть выстрѣловъ, какъ только раздались выстрѣлы изъ дома Романова. При осмотрѣ судомъ дома свидѣтель Семенъ Федоровъ прекрасно демонстрировалъ то мѣсто, съ котораго онъ сдѣлалъ шесть выстрѣловъ въ д. Романова, но фактически онъ стоялъ на $^1/_2$ аршина правѣе, за столбомъ навѣса, такъ что убѣгавшіе къ дому Сюткина солдаты естественно не могли его видѣть и его выстрѣлы принимали за выстрѣлы изъ д. Романова. Да и психологически это вѣрно, такъ какъ предполагая возможность выстрѣловъ изъ д. Романова, онъ не стрѣлялъ бы съ открытаго мѣста, а спрятался бы за какой-нибудь предметъ.

Ни для кого не было въ то время тайной, и для меня въ частности, что солдатъ Глушковъ обнажалъ себя передъ одной изъ женщинъ, стоявшей въ окнѣ д. Романова. Во время моего пребыванія въ лазаретѣ туда заходилъ фельдфебель, тотъ самый, который, не имѣя никакого отношенія къ караулу при д. Романова, по своей собственной иниціативѣ, предпринялъ рекогносцировку къ госпожѣ Бушуевой, съ тѣмъ, чтобы съ высоты ея дома обстрѣливать засѣвшихъ въ домѣ Романова; посѣщая лазаретъ, онъ громко, имѣя въ виду насъ — солдатъ изъ полити-

ческихъ ссыльныхъ, тономъ самодовольства и поощренія говорилъ о крайне враждебномъ къ намъ отношеніи со стороны солдатъ, объ ихъ намѣреніи шайками нападать на квартиры живущихъ въ городѣ политическихъ ссыльныхъ и перерѣзать всѣхъ ихъ. То, что теперь можетъ показаться маловѣроятнымъ и незаслуживающимъ вниманія, въ то время было вполнѣ естественнымъ, и логически вытекавшимъ изъ господствовавшаго тогда настроенія; стоитъ только мысленно перенестись въ ту атмосферу злобы и ожесточенія, чтобы постичь психологію солдатъ и признать, что ихъ угрозы и намѣренія близки къ осуществленію... И въ лазаретѣ насъ провожали со всѣхъ сторонъ враждебными взглядами затаенной злобы и явной непріязненности. При такихъ условіяхъ я покинулъ лазаретъ. Попавъ черезъ нѣкоторое время на гауптвахту, я думалъ, что наступившее „мирное“ время, тотъ фактъ, что сидѣвшіе въ домѣ Романова очутились на скамьѣ подсудимыхъ, все это, я полагалъ, сгладило „вину“ политическихъ ссыльныхъ въ глазахъ солдатъ, но я жестоко ошибся: и тамъ господствовала та же атмосфера разнузданныхъ страстей, та же злоба по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ, подогрѣваемая фельдфебелемъ и нѣкоторыми унтеръ-офицерами. Неоднократно раздавались угрозы бить прикладами проходившихъ товарищей, и эти угрозы, какъ извѣстно, приводились въ исполненіе. Я, какъ знакомый съ уставомъ гарнизонной службы, утверждаю, что никакихъ основаній даже съ точки зрѣнія этого устава, для удара прикладомъ не было. Били только потому, что явилась возможность выместить свою злобу на комъ-нибудь изъ политическихъ. Далѣе я хочу разсказать характерный фактъ, характерный потому... (предс.: „Прошу Васъ, о томъ, что было послѣ протеста, не говорить ..“).

Я нарисовалъ предъ вами картину тѣхъ нравовъ, которые господствовали среди солдатъ, охранявшихъ домъ Романова. Изъ этой ахарактеристики, основанной на немногихъ и случайно выхваченныхъ фактахъ, съ достаточной очевидностью вытекаетъ выводъ, насколько могли солдаты выполнить возложенную на нихъ обязанность разобщенія засѣвшихъ въ д. Романова съ внѣшнимъ міромъ. И если поставить вопросъ: на что были способны эти люди, которымъ была ввѣрена судьба 57 чел., кромѣ наглой и безстыдной провокаціи, поощряемой нѣкоторыми полицейскими чинами, то отвѣтъ на него для безпристрастнаго человѣка слишкомъ очевиденъ.

Солдаты издѣвались, вели себя возмутительно, лишь бы „вызвать“ товарищей и тѣмъ развязать себѣ руки. Для меня это установленный фактъ.

Объясненіе П. Ф. Теплова*).

(дообѣденное засѣданіе 2 августа).

Прежде всего я долженъ заявить суду, что цѣлью моихъ объясненій будетъ не желаніе лично оправдываться, а исключительно выясненіе истинныхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла. При этомъ мое изложеніе хода событій будетъ существенно отличаться отъ показаній свидѣтелей обвиненія, не исключая Березкина и Чаплина, которые во многомъ судили о происходившемъ, какъ это выяснилось на судѣ, основываясь на завѣдомо невѣрной передачѣ фактовъ и часто вымышленныхъ донесеніяхъ ихъ подчиненныхъ. На судѣ установлено, что многое изъ происшедшаго вокругъ „Романовки“ 3-6 го марта творилось безъ вѣдома губернатора. Достаточно вспомнить отвѣтъ Чаплина на вопросъ защиты: „По чьему распоряженію были вынуты окна и разобраны печи въ нижнемъ этажѣ, закрыты ставни въ верхнемъ и приготовлена настилка?“ Онъ заявилъ: „Безусловно не по моему“, прибавивъ: „У меня не только не было распоряженія, а, напротивъ, запрещеніе предпринимать что либо подобное, я, наоборотъ, приказалъ принимать всѣ мѣры къ устраненію всякихъ недоразумѣній“. Вспомнимъ къ тому же категорическое опроверженіе св. Чаплинымъ утвержденія Олесова, будто губернаторъ приказывалъ: „На одинъ выстрѣлъ не отвѣчать, а только на нѣсколько“. Чаплинъ прямо и рѣзко заявилъ: „Такихъ распоряженій я не дѣлалъ. Мое распоряженіе было: стрѣльба можетъ быть производима только тогда, когда будетъ вооруженное сопротивленіе вышедшихъ изъ-за баррикадъ“. А если низшіе полицейскіе чины, казаки и военный караулъ показываютъ иначе, такъ надо помнить, что всѣ они непосредственно заинтересованныя лица, что имъ приходится оправдывать собственныя дѣйствія при нежеланіи признаться, обвинять самихъ себя въ рядѣ незаконныхъ выходокъ и мѣръ. Безпристрастныхъ же, незаинтересованныхъ лично, свидѣтелей происшедшаго на Романовкѣ и близъ нея за время съ 1 по 7-ое, а особенно событій 3-6-го марта не могло быть потому, что не только весь домъ и дворъ Романова, но и весь этотъ кварталъ съ прилегающими улицами были совершенно изолированы отъ внѣшняго міра, окружены непроходимой цѣпью городовыхъ, казаковъ и военныхъ часовыхъ.

Изложеніе хода событій я начну съ 1 марта, которое явилось значительнымъ и поворотнымъ днемъ въ исторіи нашаго протеста. Полиція ужа наканунѣ, очевидно, потерявъ терпѣніе сторожить насъ, арестовала въ городѣ товарищей Дроздова и Шадовскаго, заявившихъ о своей полной солидарности съ требованіями

*) Тепловъ Павелъ Федоровичъ, литераторъ, арестованъ 19-го марта 1900 г. въ Симбирскѣ по дѣлу „Союза Русск. Соц.-Д.“

и образомъ дѣйствій „Романовцевъ". Къ этому же времени предъ нами сталъ вопросъ о необходимости безотлагательно восполнить жизненные продукты, бывшіе на исходѣ. Хлѣба у насъ уже совсѣмъ не было. Считая наши требованія, предъявленныя администраціи 18-го февраля, не только справедливыми, но и вполнѣ законными, мы не могли допустить, чтобы за это насъ морили голодомъ, подвергали опасности голодной смерти. Законность нашихъ требованій косвенно признавалъ и вице губ. Чаплинъ, какъ немедленнымъ удовлетвореніемъ одного изъ нихъ — объ отправкѣ на казенный счетъ, такъ и неоднократной гарантіей нашей безнаказанности и личной неприкосновенности въ случаѣ еслибъ мы прекратили дальнѣйшій протестъ. При такихъ условіяхъ мы тѣмъ болѣе не могли допустить насилія надъ нами въ формѣ полицейскихъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы взять насъ измором. Объ этомъ мы предупредили губернатора еще 26 го февраля, заявивъ, что если оцѣпленіе Романовки не будетъ уничтожено, такъ мы употребимъ всѣ средства, чтобы сдѣлать его недѣйствительнымъ. Голодная смерть для насъ была ужаснѣе смерти при вооруженной самозащитѣ нашей личной неприкосновенности и нашихъ справедливыхъ требованій. Чтобы раздобыть и привезти на „Романовку" хлѣба и другихъ продуктовъ, безусловно необходимыхъ для поддержанія нашей жизни, 1 марта утромъ были отправлены нами въ городъ два товарища: В. Бодневскій и М. Лурье. Ихъ свободно пропустилъ въ городъ полиц. надзир. Большевъ. но по пятамъ за ними пошли городовые на розыски. Вечеромъ того-же дня полиціи донесли, что Бодневскій и Лурье находятся въ квартирѣ Колачикъ. Посланный за ними городовой, увидѣвъ Бодневскаго, спросилъ его: „не здѣсь ли находятся политическіе, вышедшіе изъ дома Романова?" Тотъ отвѣтилъ: „Нѣтъ". „А зачѣмъ они нужны Вамъ?" спросилъ онъ. Городовой сказалъ, что ихъ требуютъ въ полицію за полученіемъ писемъ. Но письма были, конечно, однимъ предлогомъ, въ дѣйствительности же ихъ требовали для взятія подъ стражу, какъ показалъ полицм. Березкинъ на предварительномъ слѣдствіи. Въ данномъ случаѣ попытка арестовать посредствомъ обмана не удалась. Но она удалась Олесову, въ тотъ же день, при еще болѣе возмутительной обстановкѣ, арестовавшему нашего представителя Л. Никифорова, шедшаго къ полицмейстеру.

1-го же марта вечеромъ, часовъ около 7-ми, Бодневскій, Лурье и вновь присоединившіеся къ протесту товарищи Добросмысловъ и Дроновъ, на тройкѣ и парѣ лошадей, безъ всякихъ затрудненій въ пути, провезли въ д. Романова пудовъ 20 провизіи. Для осуществленія своей цѣли они воспользовались самымъ лучшимъ и въ то же время самымъ простымъ средствомъ. Сначала они ѣхали медленно, а приблизившись къ дому Романова, разогнали лошадей во весь карьеръ. Лошади мчались прямо на дворъ, подгоняемые окриками. Одна половинка воротъ была затворена, но распахнулась отъ удара оглобли, и обѣ повозки безпрепятственно вкатили на дворъ. Дежурившій тогда у „Романовки" полиц. надз. Олесовъ донесъ губернатору, что „прорвались при крайне нежелательной

обстановкѣ, причемъ кто-то угрожалъ револьверомъ, еще трое были съ другимъ оружіемъ въ рукахъ", какъ показалъ св. Чаплинъ на судѣ. Ничего подобнаго не было, да и быть не могло. Я самъ въ то время стоялъ у окна и видѣлъ эту любопытную сцену. Тройка и пара бѣшено мчались, недаромъ городовому Тихонову показалось, что катитъ Верховенская почта, а второпяхъ или со страху ему показалось, что ѣхали 15 человѣкъ—казаки и городовые завидѣли ихъ еще на Поротовской улицѣ, но вмѣсто попытки задержанія учинили „бѣгъ на мѣстѣ", ни одинъ изъ нихъ не тронулся съ мѣста, ни одна рука не поднялась даже, чтобы остановить лошадей. Когда лошади круто повернули на дворъ Романова, и тутъ всѣ караульные стояли, прикованные изумленіемъ, на своихъ постахъ. Ясно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о какихъ-либо угрозахъ револьверомъ, о малѣйшей попыткѣ вооруженнаго сопротивленія. Невѣрнымъ является и показаніе свидѣтелей, что мы, по въѣздѣ на дворъ лошадей, поспѣшно заперли ворота на замокъ. Не только замка у насъ не было, но и надобности въ запираніи воротъ не имѣлось, такъ какъ никто изъ постовыхъ не осмѣлился даже близко подойти къ нимъ. Пріѣхавшихъ съ радостью встрѣтили остальные товарищи и спокойно перетаскали въ домъ привезенные 10 п. хлѣба и другую провизію. Окончивъ это, они позвали ближайшаго постового, вручили ему записку, въ которой говорилось, что лошадей необходимо вернуть ихъ хозяину извозчику Карле, у котораго они были наняты для поѣздки въ Тулучинцы.

Пріѣхавшіе товарищи сообщили намъ важныя новости. Въ городѣ начались репрессіи по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ. Полицмейстеръ съ приставомъ и городовымъ ѣздилъ по квартирамъ и ловилъ отлучившихся изъ улусовъ товарищей; нѣкоторые изъ нихъ были арестованы. Тогда же мы узнали, что существуетъ намѣреніе выморозить насъ обливаніемъ черезъ окна изъ пожарныхъ трубъ. А главное—мы узнали, что Кудельскій предполагаетъ истребить насъ обстрѣлами съ дальняго разстоянія, противъ губительнаго дѣйствія которыхъ тогда мы были совершенно беззащитны. Идя на „Романовку", мы были увѣрены, что въ случаѣ нежеланія удовлетворить наши требованія, губернаторъ получитъ распоряженіе взять насъ силой, приступомъ. И только на этотъ случай, только чтобы оградить себя отъ неизбѣжныхъ при этомъ избіеній, насилій и убійствъ при малѣйшей попытки защиты личной неприкосновенности, исключительно съ цѣлью самозащиты отъ проявленій грубой силы, нами была принята мѣра—забаррикадированіе. Вначалѣ мы не допускали самой возможности примѣненія къ намъ ужасной тактики обстрѣловъ съ дальняго разстоянія. Недовѣрчиво отнеслись мы къ слуху, что солдаты будутъ разстрѣливать насъ съ колокольни монастыря и лишь на всякій случай блиндировали уголъ и часть стѣны, обращенные туда. Олесовкій же эпизодъ съ пушкой только разсмѣшилъ насъ. Но теперь, когда товарищи сообщили намъ не слухъ а вполнѣ достовѣрное извѣстіе о безспорномъ рѣшеніи Кудельскаго взять насъ обстрѣломъ съ дальняго разстоянія, мы поняли весь

ужасъ беззащитности противъ этого средства борьбы съ нами.

Поэтому, съ раняго утра 2-го марта у насъ закипѣла работа: мы изъ всѣхъ силъ принялись за перетасованіе всѣхъ годныхъ къ устройству блиндажей матеріаловъ, найденныхъ во дворѣ: оставшихся дровъ, балокъ, каменныхъ плитъ и т. п. Чтобы предупредить возможность нападенія съ крыши, мы сбросили лѣстницу, распилили ее и внесли въ домъ — она тоже пригодилась на блиндированіе. Часовъ въ 8 утра 2-го предъ Романовкой появился Кудельскій, обошелъ домъ, прилегающіе дворы, видимо, указывая мѣста для военныхъ часовыхъ. Теперь мы были увѣрены, что будетъ призванъ военный караулъ, и, въ ожиданіи его прихода, всѣ товарищи, выбиваясь изъ силъ, торопились окончить переноску всего необходимаго со двора, въ томъ числѣ и льда и взятой изъ амбара Слѣпцова провизіи: мяса, рыбы, муки и т. п. Дѣйствительно, часа въ два того же дня сосѣдній съ нами домъ инородца Романова былъ занятъ военнымъ карауломъ — пришло 23 солдата, и „Романовка“ была немедленно оцѣплена рядомъ часовыхъ, поставленныхъ не только предъ окнами нашего дома, но и во дворѣ, чего до сихъ поръ не дѣлалось. До этого времени мы имѣли совершенно свободный выходъ во дворъ, могли тамъ гулять, брать снѣгъ, ледъ, дрова; ни казаки, ни городовые не проникали въ него. Теперь же вмѣстѣ съ солдатскими были учреждены въ нашемъ дворѣ и посты казаковъ, вооруженныхъ берданками—до тѣхъ поръ у нихъ были револьверы. По двору заходили городовые и полицейскіе надзиратели. Кругомъ дома началась дѣятельность, какія то подозрительныя, тревожившія насъ приготовленія. Еще до прихода солдатъ изъ снятыхъ воротъ, досокъ и бревенъ около будущаго караульнаго дома было устроено прикрытіе—засада, позади караульнаго дома на Мало-Базарную улицу были разобраны заплоты—для прямого сообщенія, входа и выхода солдатъ, невидимо для насъ; въ углу, подъ навѣсомъ нашего двора, была прорублена калитка и тамъ поставленъ часовой: подъ навѣсомъ задней стороны нашего двора, въ заборѣ, выходящемъ непосредственно на Мало-Базарную, было вынуто 2-3 доски —какъ потомъ выяснилось—для обстрѣла „Романовки“ черезъ эту громадную амбразуру. Первая же наша попытка обычнаго выхода во дворъ, чтобы вылить помои и запастись снѣгомъ для умыванія, была встрѣчена грознымъ окрикомъ часовыхъ: „Не подходи, застрѣлю. Намъ велѣно арестовывать васъ и стрѣлять, если покажетесь изъ дома“. Во избѣжаніе напрасныхъ столкновеній никто изъ насъ за все послѣдующее время не дѣлалъ и попытки выхода за наружныя двери.

Подъ вліяніемъ несомнѣнно воинственныхъ замысловъ и приготовленій со стороны оцѣплявшихъ домъ казаковъ, городовыхъ и солдатъ, а также начавшагося съ момента прихода военнаго караула вызывающаго образа дѣйствій противъ насъ, „Романовцы“ съ усиленной энергіей и лихорадочной поспѣшностью, не покладая рукъ, съ утра до ночи, работали надъ блиндированіемъ стѣнъ дома. Но и работая до упаду, при участіи въ трудѣ всѣхъ, мы за два дня, 2-ое и 3-ье марта, успѣли защитить лишь половину

дома, только стѣны, обращенныя на площадь и въ сторону Лены, да часть стѣны, обращенной къ дому Сюткина и караульн. помѣщенію до кухни; вся же кухня, часть этой же стѣны, выходящая на террасу, и вся стѣна, обращенная къ Мало-Базарной улицѣ при обстрѣлѣ 4-го марта были совершенно лишены защиты отъ солдатскихъ пуль и начали блиндироваться лишь 5-го марта, а вполнѣ не были закончены блиндажи съ этихъ сторонъ даже къ моменту жесточайшаго обстрѣла 6-го марта — работы нѣсколько разъ прерывались неожиданными обстрѣлами по насъ, и обстрѣлъ послѣдняго дня пятерыхъ товарищей засталъ на крышѣ, откуда они подавали кирпичи и землю для окончанія блиндировки. Случись обстрѣлъ 6-го марта нѣсколькими часами раньше, и я глубоко убѣжденъ, что не осталось бы въ живыхъ и половины всѣхъ товарищей. Приходилось принять мѣры и на случай предполагавшагося вымораживанія насъ путемъ обливанія изъ пожарныхъ насосовъ. Съ этой цѣлью мы за 2-ое и 3-ье марта устроили на всѣ окна передней половины дома конмовые щиты.

Изъ сказаннаго должно быть очевиднымъ для каждаго, что всѣ принимавшіеся нами мѣры, какъ и всѣ наши дѣйствія вплоть до несчастныхъ, вынужденныхъ необходимостью самозащиты, двухъ выстрѣловъ 4 го марта, носили строго оборонительный характеръ, все предпринималось нами съ исключительной цѣлью обезопасить свою жизнь и личную неприкосновенность отъ несомнѣнно готовившагося насилія, избіенія и разстрѣла насъ. Въ то самое время, когда всѣ наши силы и вниманіе поглощены были защитой дома на случай обстрѣловъ—постройкой блиндажей, военный караулъ—часовые, стоявшіе передъ окнами и во дворѣ нашего дома, а также другіе солдаты осыпали нашихъ товарищей, стоявшихъ на наружномъ посту при слуховомъ окнѣ въ сѣняхъ,—грубо циничной матерной руганью, всячески угрожали имъ и появляющимся у оконъ товарищамъ, на глазахъ которыхъ часовые вкладывали обоймы съ патронами въ свои магазинки и прицѣливались изъ нихъ въ сидящихъ на окнахъ, показывали винтовкой, какъ они будутъ колоть насъ штыками и бить прикладами, бросали камнями и мерзлымъ пометомъ сначала въ крышу, желая снимать флагъ, а потомъ и въ стѣны дома. Отъ самыхъ возмутительныхъ оскорбленій и вызывающихъ, провоцирующихъ дѣйствій часовыхъ не были гарантированы даже наши женщины, наблюдавшія чрезъ окна за дѣйствіями стражи. Особенно возмутительно и провокаторски вели себя иркутскіе и сибирскіе солдаты, конвоировавшіе послѣднюю до „Романовки“ партію и спеціально задержанные въ Якутскѣ при началѣ протеста. Это были солдаты того самаго конвоя, который участвовалъ въ избіеніи партіи политическихъ ссыльныхъ въ Усть-Кутѣ и двукратномъ связываніи ея, они были страшно озлоблены на „политическихъ“ не только въ пути, но и здѣсь въ Якутскѣ по случаю замедленія ихъ отправки домой. Еще болѣе злила ихъ необходимость „изъ-за васъ“ по цѣлымъ днямъ мерзнуть на постахъ. И это понятное раздраженіе, эту злобу противъ насъ они изливали въ самыхъ оскорбительныхъ и вызывающихъ формахъ. А когда товарищъ Кудринъ, утромъ 2-го

марта, заявилъ о провокаціонныхъ дѣйствіяхъ солдатъ начальнику команды Кудельскому, тотъ дипломатически, хотя и наперекоръ истинѣ, какъ это выяснилось на судѣ изъ показаній губернатора Чаплина, отвѣтилъ: „Солдаты переданы въ распоряженіе полиціи, и я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Но военный караулъ не ограничился матерными словами и угрозами, а вмѣстѣ со стражниками другихъ родовъ оружія — казаками и городовыми — перешелъ къ еще болѣе возмущающимъ и провоцирующимъ дѣйствіямъ. Съ утра до ночи 3-го марта, и даже ночью ими былъ предпринятъ рядъ вызывающихъ дѣйствій, имѣвшихъ характеръ приготовленій къ прямому нападенію на насъ.

Надо замѣтить, что нижній этажъ „Романовки", очищенный къ этому времени отъ жильцовъ по распоряженію полиціи, не былъ занятъ и нами; онъ совершенно пустовалъ и былъ нашей „ахиллесовой пятой", угрожая страшной опасностью въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій противъ насъ. Мы и раньше боялись, какъ бы солдаты не заняли нижній этажъ и не разстрѣляли насъ черезъ потолокъ — полъ нашихъ комнатъ. И вотъ представьте нашу тревогу и наши опасенія, когда мы замѣтили, что цѣлый день 3-го марта и ночью стража дѣлала какія то таинственныя приготовленія въ нижнемъ этажѣ нашего дома — выставлялись и выносились рамы, растворялись наружныя окна, бывшія створчатыми, были сняты и вынесены двери, ночью подъ нами раздавался грохотъ, что-то разрушалось и обваливалось, — какъ мы случайно открыли днемъ позже, была разломана вся печь и труба до потолка. Сначала мы предполагали, что хотятъ насъ вымороэить холодомъ, но скоро увидѣли, что ошиблись, такъ какъ по изслѣдованіи оказалось, что между двойнымъ поломъ — потолкомъ, отдѣляющимъ верхній этажъ отъ нижняго, былъ слой земли. А послѣдующія событія въ связи съ другими наступательными приготовленіями и вызывающимъ образомъ дѣйствій солдатъ окончательно убѣдилъ насъ въ томъ, что разрушеніе, произведенное въ нижнемъ этажѣ, имѣло цѣлью лишить насъ возможности занять его и укрываться тамъ на случай уже предрѣшенныхъ обстрѣловъ (нижній этажъ наполовину въ землѣ и могъ бы представить естественную защиту отъ пуль), а также давало солдатамъ легкую возможность занять низъ, когда понадобится и разстрѣливать насъ черезъ потолокъ. Противъ этой убійственной тактики мы были совершенно беззащитны. Лишь выйдя изъ Романовки, мы убѣдились, насколько вѣрна была эта ужасная догадка, когда мы узнали, что на 7-ое марта уже были вызваны охотники — солдаты, которыхъ нашлось 8 человѣкъ, чтобы проникнуть въ нижній этажъ и оттуда разстрѣливать насъ. Наша тревога и опасеніе внезапнаго нападенія достигли высшаго предѣла, когда вдругъ ночью — былъ уже 10-й часъ и давно стемнѣло — 3-го же марта, когда почти всѣ у насъ крѣпко спали, утомленные тяжелой работой, бодрствующіе товарищи — постовые, наблюдавшіе чрезъ окна, увидѣли, какъ предъ ихъ глазами были заперты однѣ за другими всѣ ставни передняго фасада „Романовки". Тревожная вѣсть объ этомъ съ быстротою молніи облетѣла весь домъ и сразу

подняла на ноги всѣхъ товарищей. Трудно выразить словами то ужасное возмущеніе и негодованіе, которыя охватили всѣхъ. Для этого надо понимать глубину той смертельной опасности, которая заключалась для насъ въ такомъ, видимо, невинномъ фактѣ, какъ закрытіе ставень. Надо войти въ положеніе слабо вооруженныхъ людей, безвыходно запертыхъ въ домѣ, разобщенныхъ съ внѣшнимъ міромъ и окруженнымъ до крайности злобствующимъ, озвѣрѣлымъ военнымъ карауломъ, готовымъ перебить, разстрѣлять насъ при первомъ удобномъ случаѣ. И вотъ мы видимъ, что дѣлается, несомнѣнно, приготовленіе къ наступленію, можетъ быть, къ ночному нападенію на спящихъ, безоружныхъ людей. Не смерти мы боялись, а насилій и поруганія нашего человѣческаго достоинства, звѣрской бойни, кровавыхъ избіеній при условіяхъ, исключающихъ возможность дѣйствительной самозащиты. Мы прежде всего бросились къ окнамъ, чтобы устранить причину грозившей опасности: у двухъ оконъ, обѣ половинки которыхъ оказались плотно затворенными, было выбито по одному стеклу—справа, внизу, въ обѣихъ рамахъ—ставни полуоткрыты рукою черезъ отверстіе и сброшены рычагомъ съ петель, одна за другой, внизъ. У одного же окна, самаго дальняго отъ воротъ, половинка ставень оказалась полуоткрытой, — слишкомъ крѣпко хлопнулъ ее закрывавшій, — видно было, что дѣлается внизу; поэтому стеколъ въ немъ не выбивали и ставни не были нами сняты.

Мелкій, но характерный фактъ: по показанію Олесова, Вильконецкаго и другихъ лицъ стражи, въ эту ночь былъ такой сильный вѣтеръ, что „на посту было трудно стоять“, а эта половинка ставень такъ и осталась полуоткрытой до 7 марта, и ни разу не хлопнула до нашего ухода съ „Романовки“. Какъ только ставни были сброшены, чтобы избѣжать повторенія чего-либо подобнаго, одинъ изъ товарищей вышелъ немедленно къ слуховому окну и крикнулъ часовымъ: „не закрывайте ставень, иначе будемъ стрѣлять“. Но это предостереженіе не оказало дѣйствія. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ постовой у слухового окна въ парадномъ крыльцѣ далъ знать, что солдаты взлѣзаютъ на заборъ съ улицы и палкой стараются закрыть ставни у ближайшаго къ воротамъ окна. Снова вышелъ товарищъ и еще разъ пригрозилъ стрѣлять, если будетъ сдѣлана еще попытка закрывать ставни. Но часовые смѣнялись на постахъ каждые два часа и такъ какъ невозможно было предупреждать всѣхъ солдатъ, то и была послана записка караульному начальнику съ категорическимъ предупрежденіемъ, что мы будемъ стрѣлять, если опять караульные будутъ закрывать ставни. Записка была передана черезъ полиц. надз. Вильконецкаго, которому сообщили ея содержаніе и на словахъ съ просьбой оповѣстить всѣхъ солдатъ и принять мѣры къ прекращенію ихъ провокаціонныхъ дѣйствій. На вопросъ товарища: „Не распорядилась ли полидія закрыть ставни?“ Вильконецкій отвѣтилъ: „нѣтъ“. А вернувшись послѣ разговора съ караульнымъ начальникомъ, онъ заявилъ, что солдаты отказываются, говорятъ, что не закрывали ставень, и сказали ему, что, вѣроятно, хозяинъ приказалъ работнику закрыть ставни или самъ закрылъ ихъ.

Теперь изъ показаній на судѣ Романова мы знаемъ, что это неправда. Записка была передана часовъ въ 11, но и послѣ того насъ не оставили въ покоѣ. Наоборотъ, скоро караулившее насъ воинство предприняло новыя, еще болѣе явно вызывающія дѣйствія и приготовительныя къ наступленію мѣры. Я уже говорилъ, что именно въ эту ночь шла ломка въ нижнемъ этажѣ и разрушеніе тамъ печи. Будучи на посту у окна съ 12 до 2 час. ночи, я видѣлъ, какъ за все это время внизу стражники таскали половицы изъ вороха бревенъ и досокъ, наваленныхъ предъ домомъ и съ грохотомъ бросали ихъ подъ окнами у самой стѣны. Казалось несомнѣннымъ, что готовится лѣсъ для сооруженія постилки въ уровень съ высотой перваго этажа — на имѣющихся тамъ выступахъ балокъ. Это очень вѣроятное предположеніе пріобрѣло для насъ характеръ несомнѣннаго факта, когда съ разсвѣтомъ мы увидѣли, становясь на подоконникъ, что у стѣны навалены толстыя доски съ бѣлыми, заново прибитыми планками у концовъ. Связь попытки закрыть всѣ ставни и приготовленія этихъ досокъ съ поперечинами была для насъ очевидна; предполагалось можетъ быть въ эту-же ночь, при закрытыхъ окнахъ, невидимо для насъ, сдѣлать помостъ, къ которому въ простѣнкахъ могли быть приставлены лѣстницы, введено требуемое количество солдатъ, которые, распахнувъ ставни, высадивъ рамы, сразу могли бы ворваться въ домъ ночью. При такихъ условіяхъ внезапное нападеніе черезъ окна сразу дѣлало солдатъ господами положенія и лишало насъ всякой возможности дѣйствительной самозащиты и охраны нашей личной неприкосновенности. Ужасъ позоръ избіенія и надругательствъ были для насъ ужаснѣй смерти. Только зная всѣ описанныя событія 2 го и особенно днемъ и ночью 3-го марта, все пережитое и перечувствованное нами за эти ужасные дни, можно понять, какое настроеніе они должны были создать у насъ, правильно истолковать случившееся 4 го марта.

Рано утромъ 4-го мы отправили губернатору заявленіе, написанное еще наканунѣ, въ которомъ снова указывали на всѣ оскорбительныя, вызывающія, явно провокаторскія и безаконныя дѣйствія солдатъ: площадную ругань, бросаніе камней, прицѣливанія, закрываніе ставень и т. п. и требовали прекращенія этихъ безобразій, предупреждая, что въ противномъ случаѣ мы будемъ вынуждены прибѣгнуть къ вооруженной самозащитѣ. Отвѣта не послѣдовало и никакихъ мѣръ къ обузданію караула не было принято, и солдаты продолжали вызывающій образъ дѣйствій.

До обѣда 4-го мы усиленно работали надъ постройкой блиндажей. Но вотъ часовъ около 3-хъ пополудни изъ кухни раздается тревожный крикъ, что солдаты опять закрываютъ ставни — на этотъ разъ они закрыли ставни кухоннаго окна, обращеннаго къ караульному помѣщенію. Чтобы понять особую важность и опасность закрытія ставень именно въ этомъ окнѣ кухни, надо имѣть въ виду, что оно является ближайшимъ къ дому солдатъ и наиболѣе удаленнымъ отъ нашего жилого помѣщенія. И безъ того кухня была самымъ уязвимымъ мѣстомъ нашей квартиры: къ

этому времени она совершенно не была блиндирована, такъ что въ случаѣ нападенія при обстрѣлѣ являлось почти невозможнымъ ее отстоять.

Немедленно послѣ закрытія ставень одинъ изъ товарищей распахнулъ ихъ и хотѣлъ, приподнявъ черезъ выбитое стекло, сбросить. Но въ тотъ же моментъ изъ толпы солдатъ, городовыхъ и казаковъ, собравшихся у крыльца караульнаго дома, полетѣлъ камень, ударившій товарища по рукѣ. Тогда другой товарищъ черезъ то-же выбитое стекло крикнулъ собравшимся: „не смѣйте закрывать ставень, уходите, иначе буду стрѣлять!“ Въ отвѣтъ раздалось „стрѣляй“... далѣе слѣдовала уличная брань. И послѣ этого вдругъ раздались два выстрѣла изъ амбразуры подъ окномъ, которыми, какъ оказалось впослѣдствіи, были убиты двое солдатъ. За первымъ-же нашимъ выстрѣломъ начали палить въ домъ городовые изъ револьверовъ, прямо отъ крыльца, а также часовые солдаты и казаки съ постовъ. Лишь спустя нѣсколько минутъ раздался трескъ правильной стрѣльбы пачками и залпами изъ солдатскихъ магазиновъ. Обстрѣливали со стороны домовъ Сюткина, Кандакова. Звука самыхъ выстрѣловъ намъ за тройными стеклами не было слышно, а мы слышали именно трескъ отъ пробиваемыхъ пулями стѣнъ, оконъ, глухіе удары пуль о блиндажи и печи.

Какъ только раздались первые выстрѣлы по дому, всѣ товарищи укрылись за блиндажи. Но какъ разъ однимъ изъ самыхъ первыхъ выстрѣловъ солдатъ былъ убитъ на своемъ посту нашъ дорогой товарищъ Юрій Матлаховъ. Смерть его была моментальна — пуля пробила голову на вылетъ отъ виска къ виску. Нѣсколько позже былъ раненъ въ ногу навылетъ товарищъ Хацкелевичъ — пуля прошла на границѣ блиндажа съ косякомъ двери. На этомъ-же самомъ мѣстѣ, при обстрѣлѣ 6-го марта былъ раненъ товарищъ Костюшко, хотя блиндажъ и былъ передѣланъ заново. Жестокій обстрѣлъ, при которомъ солдатами, казаками и городовыми въ насъ было выпущено нѣсколько сотъ пуль, продолжался минутъ 5. Къ моменту ея окончанія мы увидѣли ѣдущій мимо оконъ пожарный обозъ, лѣстницы и багры, ожидая, что сейчасъ солдаты пойдутъ на приступъ. Мы были глубоко убѣждены въ этомъ. Но штурма не послѣдовало. Съ пріѣздомъ губернатора обстрѣлъ прекратился; воинская команда человѣкъ въ 50-60 была обратно уведена въ казармы, а въ караульномъ домѣ остались по прежнему человѣкъ 20-25 солдатъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о жестокости обстрѣла, скажу что простое окно въ угловой комнатѣ, обращенной къ дому Сюткина, было прострѣлено 22-мя пулями, а подъ разобраннымъ блиндажемъ на площади въ 3 квадратныхъ аршина, оказалось въ стѣнѣ 18 прострѣловъ. Не будь защиты блиндажей, всѣ эти 18 пуль оказались бы смертельными для насъ. И если въ первый же обстрѣлъ не было убито громадное большинство товарищей, такъ ужъ совершенно противъ ожиданія, намѣренія и воли командовавшихъ имъ.

Минутъ черезъ... послѣ обстрѣла намъ послышался внизу,

у парадного крыльца стукъ въ дверь. Черезъ окно увидѣли, что стоитъ полицмейстеръ и нѣсколько солдатъ за воротами. Тутъ-же подошелъ и губернаторъ. Выбили стекло и спросили: „Одинли вы?“ Они сказали „да“. Тогда меня и еще одного товарища послали узнать, чего желаетъ губернаторъ. Подойдя къ наружной двери, мы спросили еще: „Кто здѣсь?“ Полицмейстеръ отвѣтилъ: „Здѣсь губернаторъ и желаетъ говорить съ политическими“. Мы отперли двери; выйдя на крыльцо, я спросилъ губернатора: „Что Вамъ угодно?“ Губернаторъ началъ свою рѣчь такъ: „Вы выбили у меня изъ строя двухъ солдатъ, одинъ уже мертвъ, а другой смертельно раненъ. За это васъ ожидаетъ наказаніе, тѣмъ болѣе строгое, если Вы будете продолжать свой образъ дѣйствій. Поэтому я предлагаю вамъ немедленно выйти, причемъ вы будете арестованы и преданы суду“. Долженъ оговориться, что за дословность не ручаюсь, а передаю лишь общій смыслъ всего разговора—мы съ товарищемъ были слишкомъ взволнованы для точнаго запоминанія. Я отвѣтилъ губернатору слѣдующее: „Два выстрѣла съ нашей стороны, которыми оказываются выбитыми изъ строя два солдата, были вызваны необходимостью защитить себя отъ вызывающихъ и прямо наступательныхъ дѣйствій солдатъ. Съ момента ихъ прихода мы подвергались систематически надругательствамъ, самымъ возмутительнымъ оскорбленіямъ и угрозамъ: насъ площадно бранили, въ насъ бросали камнями, прицѣливались изъ заряженныхъ винтовокъ. Этого мало: при выходѣ за дверь насъ грозятъ арестовать и застрѣлить. Не ограничиваясь воинственными приготовленіями на дворѣ — разборомъ заплотовъ, сооруженіемъ засадъ для стрѣльбы и продѣлкой амбразуръ въ заборахъ, солдаты готовили прямое нападеніе на занимаемый нами домъ. Они произвели разрушенія въ нижнемъ этажѣ, закрыли намъ ставни, приготовили постилку подъ окнами. Мы не могли терпѣть возмутительныхъ и провоцирующихъ дѣйствій солдатъ, а тѣмъ болѣе ихъ приготовленій къ нападенію, лишающихъ насъ возможности дѣйствительной самозащиты. Обо всемъ этомъ мы неоднократно предупреждали и часовыхъ, и карауленаго начальника, и полицейскаго надзирателя, и начальника команды Кудельскаго, наконецъ, мы заявляли объ этомъ и Вамъ, предупреждая, что въ случаѣ повторенія такихъ фактовъ будемъ вынуждены прибѣгнуть къ вооруженной самозащитѣ. И если послѣ всего этого съ нашей стороны послѣдовали два выстрѣла, такъ виновниками убійства солдатъ при данныхъ условіяхъ являются тѣ, въ чьей власти было прекратить безобразія, провокаціи и противозаконныя дѣйствія караула и кто не сдѣлалъ этого“. При упоминаніи о ругани, бросаніи камней, закрываніи ставень и т. п. губернаторъ замѣтилъ, что разузналъ объ этомъ и ему донесли, что ничего не было по утвержденію солдатъ.

При объясненіи съ губернаторомъ, я, по желанію товарищей, намѣренно не упомянулъ ни словомъ, что и у насъ есть „выбитые изъ строя“. Мы не хотѣли обнаруженіемъ числа жертвъ дать возможность догадаться о существованіи блиндажей. Но тонъ моей рѣчи противъ воли обнаруживалъ глубокое волненіе и ея

рѣзко возбужденный характеръ, видимо, шокировалъ губернатора, который начальнически замѣтилъ даже: „не волнуйтесь, не возвышайте голоса“. Онъ не зналъ, что въ моментъ разговора съ нимъ передъ моими глазами неотступно стояла картина смерти горячо любимаго товарища—Юрія Матлахова. Я теперь, при одномъ воспоминаніи о пережитомъ, еле владѣю собою, а тогда, стоя передъ еще не остывшимъ трупомъ Юрія, мнѣ тѣмъ болѣе трудно было скрыть душевное волненіе. Я просилъ только губернатора не дѣлать мнѣ подобныхъ замѣчаній, такъ какъ я веду съ нимъ не частную бесѣду, говорю какъ умѣю и въ силахъ говорить при данныхъ обстоятельствахъ. Въ заключеніе губернаторъ еще разъ потребовалъ, чтобы мы немедленно разошлись и далъ намъ полчаса сроку на размышленіе.

Выслушавъ сказанное губернаторомъ и обсудивъ положеніе, товарищи послали меня съ отвѣтомъ. Отъ имени всѣхъ товарищей я заявилъ губернатору, что мы не разойдемся, пока не будутъ удовлетворены наши требовбнія, хотя бы намъ грозила смерть—противъ насилья мы будемъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. Губернаторъ повторилъ уже не разъ сказанное имъ раньше: что удовлетвореніе этихъ требованій не отъ него зависитъ, что они писаны не по адресу и т. п. На это я отвѣтилъ ему: „но вѣдь отъ Васъ зависѣло довести ихъ до свѣдѣнія высшаго начальства, дать соотвѣтствующее заключіе по существу требованій. Вы имѣли на это цѣлыхъ двѣ недѣли. Дѣлали ли Вы такія представленія и если да, то какой послѣдовалъ отвѣтъ“? Губернаторъ сказалъ: „да, я доносилъ обо всемъ генералъ губернатору и въ Петербургъ, но до сихъ поръ не получилъ отвѣта: ни да, ни нѣтъ“. Затѣмъ губернаторъ снова потребовалъ нашей сдачи, говоря, что „въ противномъ случаѣ послѣдствія будутъ ужасны“. Я сказалъ: „Какія бы послѣдствія ни грозили намъ, до удовлетворенія требованій мы не разойдемся. Вы конечно можете разстрѣлять насъ всѣхъ, но тогда отвѣтственность за пролитую кровь падетъ на Васъ, такъ какъ отъ Вашихъ распоряженій здѣсь и отъ Вашихъ донесеній правительству зависитъ и ходъ и исходъ всего дѣла“. На это губернаторъ заявилъ: „Разстрѣливать я Васъ не буду, а постараюсь взять живыми“. Въ заключеніе я прибавилъ: „Мы тоже не будемъ ни стрѣлять, ни предпринимать какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій, если насъ снова не вынудятъ къ необходимой самообороне провокаторскія и грубо противозаконныя насильственныя дѣйствія солдатъ“. На этомъ объясненіе съ губернаторомъ кончилось.

Событія 5 и 6-го марта показали, что кѣмъ-то было нарушено данное губернаторомъ обѣщаніе. Съ нашей стороны не раздалось болѣе ни одного выстрѣла. И не смотря на это, насъ оба дня подвергали многократнымъ жесточайшимъ обстрѣламъ. Дѣло суда выяснить, по чьему распоряженію.

Послѣднее слово Н. Ф. Теплова.

(Вечернее засѣданіе 7-го августа).

Господа судьи! И правомъ своего послѣдняго слова я воспользуюсь не для того, чтобы лично оправдаться. Мнѣ хотѣлось бы только облегчить суду трудную, но очень важную задачу: стать на точку зрѣнія подсудимыхъ, проникнуть въ ихъ психологію, понять мотивы и цѣли тѣхъ дѣйствій, которыя вмѣняются намъ теперь въ преступленіе.

Общія причины нашего протеста достаточно выяснены моими товарищами, которые нарисовали предъ судомъ безотрадную картину теперешняго населенія ссылки, тѣ невозможныя унижающія человѣческое достоинство условія, въ которыя поставлены политическіе ссыльные Кутайсовскимъ режимомъ. Укажу лишь на тѣ обстоятельства, которыя для меня лично были рѣшающими. Я попалъ въ Сибирь, можно сказать, „прямымъ сообщеніемъ“ съ береговъ Женевскаго озера въ Вилюйскъ. На западѣ я пробылъ 9 лѣтъ, живя въ Швейцаріи, Австріи, Испаніи и Германіи. Тамъ я научился высоко цѣнить права человѣческой личности, привыкъ къ тому, чтобъ съ уваженіемъ относились и къ моему человѣческому достоинству. Пріѣхавъ на родину, я былъ сосланъ на 5 лѣтъ не за какое-либо преступленіе, предусмотрѣнное Уложеніемъ о Наказаніяхъ, даже не обычнымъ административнымъ порядкомъ, а въ такъ называемомъ „порядкѣ охраны“ безъ суда и слѣдствія, безъ формальныхъ уликъ даже съ точки зрѣнія общей жандармеріи, единственно на основаніи доноса извѣстнаго провокатора Гуровича и по безконтрольному усмотрѣнію жандармовъ московскаго охраннаго отдѣленія. Если пожелаете взглянуть въ мой статейный списокъ, такъ узнаете то специфически-русское „преступленіе“, за которое меня сослали на 5 лѣтъ въ Якутскую область: „политическая неблагонадежность“. Проживъ около двухъ лѣтъ въ Вилюйскѣ, я былъ приглашенъ участвовать въ работахъ Нельканъ-Алинской экспедиціи, пробылъ въ ней полгода и пріѣхалъ въ Якутскъ какъ разъ въ моментъ ликвидаціи стараго и водворенія новаго курса по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ. Графъ Кутайсовъ уже издалъ свои циркуляры о запрещеніи свиданій партій въ пути и самовольныхъ отлучекъ. Когда мы съ товарищемъ Неразличемъ, тоже сидящимъ здѣсь на скамьѣ подсудимыхъ, ѣхали въ Якутскую область, намъ всюду разрѣшали свиданія, при которыхъ именно потому и не могло быть какихъ-либо демонстративныхъ цѣлей, что ихъ разрѣшали свободно, ихъ не было нужды добиваться силой. Самовольныя отлучки изъ улусовъ въ Якутскъ и проживаніе въ городѣ мѣсяцами были обычнымъ явленіемъ. Теперь, вскорѣ послѣ моего возвращенія, потянулись по Енисейской и Иркутской губерніи въ Якутскую область цѣлые десятки жертвъ новаго курса—товарищей, пересылаемыхъ въ отдаленнѣйшія мѣста Области за нарушеніе Кутай-

совскихъ циркуляровъ, за попытки свиданій, за отлучки въ 5—10 верстъ. Товарищей пересылали и въ одиночку и группами и даже цѣлыми колоніями. Многихъ высылали „за сопротивленіе властямъ“ въ образѣ слишкомъ назойливаго шпіона или пьянаго урядника.

Но дѣло не ограничивалось массовыми переселеніями нарушителей циркуляровъ генералъ-губернатора въ Колымскъ, Верхоянскъ и т. п. Тѣмъ же самымъ административнымъ порядкомъ на высланныхъ товарищей налагалось второе тяжелое наказаніе: имъ объявлялись прибавки срока ссылки на 2, 3—5 лѣтъ, многимъ наканунѣ желаннаго отъѣзда на родину. А тутъ еще въ самомъ Якутскѣ начались прижимки съ отправкой въ Россію на казенный счетъ отбывшихъ ссылку. Администрація стала заявлять, что не обязана этого дѣлать. Допущеніе этого являлось бы по отношенію ко многимъ товарищамъ превращеніемъ ихъ ссылки въ безсрочную.

Наконецъ, къ сотнямъ товарищей, разосланныхъ по самымъ глухимъ и отдаленнымъ улусамъ Якутскаго округа, поставленныхъ въ нечеловѣческія условія жизни, лишенныхъ медицинской помощи и даже возможности купить на мѣстѣ хлѣбъ, керосинъ, чай и т. п. предметы первой необходимости, администрація стала примѣнять кутайсовскій циркуляръ о самовольныхъ, отлучкахъ. На практикѣ это свелось къ полному запрещенію отлучекъ хотя бы они вызывались крайней необходимостью, безхлѣбицей и т. п. Высылкой товарища Коревина въ Нижне-Колымскъ за недозволенный приходъ въ Якутскъ изъ села Павловскаго, отстоящаго въ 18 верст., былъ сдѣланъ починъ наложенія административныхъ каръ за самовольныя отлучки. Чашу долготерпѣнія Якутскихъ политическихъ ссыльныхъ переполнило звѣрское избіеніе и двукратное связываніе партіи товарищей въ Усть-Кутѣ. Слушая ихъ разсказы, каждый изъ насъ чувствовалъ, какъ будто хлыстомъ бьютъ его по лицу...

Теперь предъ всѣми всталъ роковой вопросъ: сносить ли дальше этотъ позорный режимъ, топчущій въ грязь наше человѣческое достоинство, или настала пора возвысить голосъ протеста? И громадное большинство товарищей соглашались, что безропотное подчиненіе этому режиму является унизительнымъ. Но, высказываясь принципіально за протестъ, мы должны были рѣшить два главныхъ вопроса: какія выставить требованія и какую избрать форму протеста. Относительно требованій всѣ были согласны — ихъ подсказывала сама жизнь политическихъ ссыльныхъ, тѣ невозможныя условія, въ которыя мы были поставлены циркулярами Кутайсова.

Задаваясь не только демонстративными цѣлями, но и желаніемъ добиться въ скоромъ времени практическаго осуществленія своихъ требованій, мы ограничились выставленіемъ тѣхъ, которые являлись не только самыми насущными, справедливыми, но и законными даже съ точки зрѣнія дѣйствующаго устава о ссыльныхъ и положенія о гласномъ надзорѣ... Но, выставляя требованіе объ отмѣнѣ всѣхъ новѣйшихъ циркуляровъ и распоряженій о

политическихъ ссыльныхъ, мы хотѣли бороться противъ системы Кутайсова въ цѣломъ, противъ ея общаго духа, отравлявшаго атмосферу ссылки, сдѣлавшаго жизнь ссыльныхъ невыносимой. Мы были глубоко убѣждены, что кровавыя столкновенія и бойни вродѣ Усть-Кутской неизбѣжны при этой системѣ; мы предсказываемъ это въ своемъ заявленіи губернатору отъ 18 февраля, какъ бы предвидя кровавую драму, недавно разыгравшуюся на Ленѣ.

Значительно большія трудности представляло рѣшеніе вопроса о формѣ протеста. Для успѣха всего дѣла вопросъ о томъ, какую форму протеста избрать, являлся основнымъ. Онъ же былъ и наиболѣе спорнымъ. На формѣ протеста расходились даже люди, искренно желавшіе протестовать. И теперь еще находятся товарищи, тоже знакомые съ условіями жизни и борьбы въ ссылкѣ, которые, безусловно сочувствуя нашему дѣлу и выставленнымъ нами требованіямъ, считаютъ нецѣлесообразной, дорого стоющей и т. п. избранную нами форму протеста. Какой же выборъ предстоялъ намъ? Путь единоличныхъ ходатайствъ и заявленій былъ исключенъ заранѣе по его унизительности и совершенной недѣйствительности, какъ методъ борьбы съ общими условіями ссылки. Коллективныя заявленія или чисто „бумажные протесты“ не могутъ имѣть серьезнаго значенія, пока за ними не стоятъ люди, рѣшившіеся до конца отстаивать выставленныя требованія. На примѣрѣ Иркутскихъ и Енисейскихъ товарищей мы видѣли, къ чему приводятъ и рекомендовавшіеся тогда массовыя нарушенія циркуляровъ о самовольныхъ отлучкахъ и другихъ, разъ при этомъ нѣтъ рѣшимости сопротивляться противозаконнымъ наказаніямъ за неисполненіе столь-же незаконныхъ распоряженій, — отвѣтомъ Кутайсова на массовыя самовольныя отлучки были массовыя же ссылки въ Якутскую Область, Верхоянскъ, Колымскъ съ многолѣтними прибавками срока.

Наконецъ, печальный опытъ „пассивнаго сопротивленія“ партіи товарищей, жестоко избитыхъ въ Усть-Кутѣ и дважды связанныхъ, предостерегъ насъ и отъ подобной формы протеста „своими боками“, оставляющаго лишь убійственное сознаніе поруганной чести, безсильную злобу и деморализацію. А къ чему приводятъ неорганизованныя попытки вооруженной самозащиты противъ грубаго насилія? Ужасное воспоминаніе объ этомъ не изгладила 15-ти лѣтняя давность — это кровавыми буквами записано въ исторіи Якутской бойни 1889 года. И разъ мы хотѣли придать нашему протесту серьезное общественное значеніе, чтобъ наши протестующіе голоса, нашъ призывъ къ борьбѣ съ режимомъ Кутайсова были услышаны далеко, не желая при этомъ второй Якутской бойни, дикой расправы надъ людьми совершенно беззащитными противъ звѣрства и насилій полиціи и солдатъ, то единственнымъ выходомъ для насъ была именно та форма протеста, которую мы избрали — теперь я говорю это съ еще болѣе глубокимъ убѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ опыта. Только рѣшимость отстаивать наши требованія всѣми силами, рискуя собственной жизнью, только готовность умереть съ оружіемъ въ рукахъ, защищаясь отъ проявленій грубаго насилія и поруганій

нашего человѣческаго достоинства могли гарантировать протесту широкое общественное значеніе и воспрепятствовать дикому избіенію протестантовъ „охранителями порядка".

Для этого мы собрались на „Романовкѣ", забаррикадировались и вооружились не съ цѣлью „убивать солдатъ", какъ полагаетъ г. прокуроръ, а съ рѣшимостью бороться за наши требованія и чтобы лишить солдатъ, казаковъ и полицію возможности безнаказанно надругаться, избить и убивать протестующихъ, съ рѣшимостью дорого продать свою жизнь при вооруженной самозащитѣ отъ насилій.

Только путемъ старательнаго игнорированія событій 3-го и 4-го марта, предшествовавшихъ несчастнымъ выстрѣламъ, убившимъ солдатъ, г. прокуроръ, въ своей обвинительной рѣчи, могъ прійти къ чудовищному выводу, что наши выстрѣлы были не средствомъ необходимой обороны противъ наступательныхъ, провокаторскихъ дѣйствій солдатъ, а „вызовомъ". Необходимость этого „вызова" г. прокуроръ объясняетъ наступившимъ якобы у насъ голодомъ. Въ опроверженіе этого мнѣнія достаточно указать на протоколъ осмотра „Романовки", гдѣ значится, что послѣ нашего ухода найдено 6 пудовъ соленой рыбы, 8 пуд. мяса, 8 мѣшковъ—около 10 пуд. муки, не считая коровьихъ головъ, потроховъ, свѣжихъ карасей и т. п.—Этой провизіи хватило-бы по меньшей мѣрѣ на 2-3 недѣли, воды-льда тоже было вполнѣ достаточно, о какомъ-же наступленіи голода, какъ причины „вызова", можетъ быть рѣчь? Наконецъ за „вызовомъ" неизбѣжно должны-бы послѣдовать наступательныя, воинственныя дѣйствія съ нашей стороны, вызванныя отчаяніемъ наступающаго голода. Въ дѣйствительности-же послѣ двухъ выстрѣловъ 4-го марта наша тактика до выхода изъ „Романовки", какъ и за все время протеста, оставалась строго-оборонительной. Каковы-же были, при такихъ условіяхъ, дѣйствительные мотивы нашей сдачи?

Мы шли на „Романовку" въ твердой увѣренности, что предъявленіе нами требованій и отказъ разойтись вызоветъ очень скоро приказъ взять насъ силой, штурмомъ. На это мы разсчитывали и только противъ этой прямой, открытой формы насилія мы и обезопасили себя до нѣкоторой степени, забаррикадировавшись и вооружившись на случай вторженія въ домъ съ цѣлями насилія солдатъ или казаковъ. Самый характеръ вооруженія: револьверы, дробовики, топоры, при 2-хъ старыхъ берданкахъ, свидѣтельствуютъ о строго-оборонительной цѣли его; съ такимъ оружіемъ возможно лишь сопротивляться прямому насилію, дорого продать свою жизнь при охранѣ личной неприкосновенности, защищаться, а не нападать. Мы были лучшаго мнѣнія о храбрости нашихъ противниковъ и долго не хотѣли вѣрить самой возможности примѣненія къ намъ трусливо-коварной тактики обстрѣловъ съ дальняго разстоянія. — Это, краснорѣчивѣй чѣмъ словами, доказывается фактомъ, что цѣлыхъ двѣ недѣли, до 2-го марта, мы не предпринимали защитительныхъ мѣръ противъ обстрѣловъ издали. Но вотъ раздались наши два выстрѣла 4-го марта, вынужденные цѣлями самозащиты. Тогда мы всѣ были глубоко убѣжде-

ны, что солдаты отвѣтятъ прямымъ нападеніемъ, немедленно пойдутъ на штурмъ. Подтвержденіемъ этому служило появленіе у „Романовки“ обоза съ лѣстницами, баграми и топорами. Но вмѣсто штурма насъ подвергли жестокому обстрѣлу съ далекаго разстоянія, на который мы не отвѣтили ни однимъ выстрѣломъ, хотя и могли выбить изъ строя нѣсколькихъ солдатъ — если-бы желали, если-бъ это безцѣльное убиваніе подневольныхъ людей соотвѣтствовало нашимъ стремленіямъ, задачѣ нашего протеста. Выдержавъ первый обстрѣлъ, мы съ еще большей энергіей принялись за сооруженіе блиндажей, нашего единственнаго средства защиты противъ солдатскихъ пуль. Настало 5-ое марта. Мы помнили категорическое утвержденіе губернатора, что безъ выстрѣла съ нашей стороны онъ насъ разстрѣливать не будетъ, а постарается взять живыми. И мы были спокойны, такъ какъ никому изъ насъ и въ голову не приходило стрѣлять безъ крайней необходимости въ самозащитѣ.

Какъ вдругъ, часовъ около 2-хъ дня, раздается трескъ, похожій на револьверный выстрѣлъ. Время было обѣденное, всѣ толпились въ столовой и прилежащихъ къ ней комнатахъ, пуля просвистѣла какъ разъ надъ головой толпы. Всѣ переполошились. Началъ поголовный опросъ, не выстрѣлилъ ли нечаянно кто-нибудь изъ насъ изъ револьвера. Но разслѣдованіи оказалось, что направленіе выстрѣла было съ Мало-Базарной, что пуля вылетѣла черезъ окно, гдѣ имѣлась новая берданочная пробоина, просвистѣла надъ ухомъ Израильсона и ударилась въ косякъ двери. Не прошло и трехъ минутъ послѣ этого предательскаго выстрѣла, какъ мы заслышали характерный трескъ въ окна и стѣны — начался правильный обстрѣлъ. Нѣтъ силъ и достаточно яркихъ словъ, чтобъ описать глубочайшее изумленіе, волненіе, негодованіе, охватившія всѣхъ насъ. Но какой причинѣ? за что?—вертѣлось у каждаго въ головѣ. Но тогда мы еще не подозрѣвали чудовищной правды, не допускали мысли о такомъ звѣрствѣ, какъ предательскія выстрѣлы, провокаторскій обстрѣлъ. Мы остановились на двухъ предположеніяхъ: либо изъ Питера, или Иркутска, пришелъ категорическій приказъ губернатору взять насъ силой, либо случилось какое-нибудь столкновеніе въ городѣ, которое приписали намъ и мстятъ за это. И только объясненіе тов. Теслера съ губернаторомъ 6 го марта, послѣ новаго предательскаго выстрѣла, ранившаго Медяника, раскрыло намъ ужасную правду, весь трагизмъ нашего положенія. Въ насъ провокаторски стрѣляли, эти выстрѣлы приписывали намъ и являлись предлогомъ жестокаго обстрѣла. Вникните лишь въ смыслъ полной вызывающаго цинизма фразы Кудельскаго: „намъ некогда разбирать, кто и откуда стрѣляетъ“, и вы поймете, что при такихъ условіяхъ солдаты и казаки могли дѣлать все: что наша жизнь отдавалась на ихъ разнузданный произволъ.

Послѣ жесточайшаго изъ всѣхъ, провокаторскаго обстрѣла 6-го марта, когда въ насъ палили залпами отъ д. Сюткина и съ Мало-Базарной, а единичными встрѣлами съ двухъ сторонъ; когда уже раздались предательскіе выстрѣлы — предвѣстникъ новаго об-

стрѣла,—передъ нами всталъ вопросъ: что предпринять? Теперь для насъ было несомнѣннымъ, что ложные доносы часовыхъ и караульныхъ начальниковъ, заинтересованныхъ въ ускореніи развязки, приписываютъ начало стрѣльбы намъ, что звѣрская тактика разстрѣливанія насъ издали, по сигналу предательскихъ выстрѣловъ, возведены въ систему. А противъ этой системы насилія мы не были въ состояніи оказать дѣйствительнаго сопротивленія, не могли защитить свою личную неприкосновенность съ оружіемъ въ рукахъ. Блиндажи хоть и спасали насъ отъ поголовнаго истребленія, но они не предохраняли отъ возрастанія числа раненыхъ товарищей, которымъ страшно антигигиеническая обстановка „Романовки“ грозила большой опасностью. По дѣйствіямъ Кудельскаго, осматривавшаго позиціи съ крыши складовъ Кушнарева, мы догадались что готовится обстрѣлъ сверху, противъ котораго мы являлись совершенно беззащитными, какъ и противъ грозившаго разстрѣла сквозь потолокъ нижняго этажа. Намъ предстояло одно изъ двухъ: либо продолжать оставаться въ „Романовкѣ“ и видѣть, какъ безнаказанно солдаты будутъ ранить и убивать одного за другимъ товарищей, не говоря уже о приближавшейся опасности голода, или намъ оставалось выйти съ оружіемъ въ рукахъ на улицу, чтобъ сдѣлать попытку вооруженнаго сопротивленія дикому насилію, которому насъ подвергали. Но эта отчаянная попытка могла кончится лишь поголовнымъ истребленіемъ насъ, — мы не были-бы даже подпущены на выстрѣлъ изъ револьвера и дробовиковъ, а попросту разстрѣляны съ далекаго разстоянія изъ солдатскихъ магазинокъ. Поэтическая апологія одного изъ защитниковъ, о которой говорилъ и прокуроръ, кажется мнѣ глубоко не вѣрной — мы не сектанты „самосожигатели“, а общественные дѣятели—революціонеры-борцы. Мы протестовали съ рѣшимостью защищаться противъ насилій до послѣдней капли крови, мы были готовы умирать, охраняя свое человѣческое достоинство, но умирать съ оружіемъ въ рукахъ въ открытомъ бою, при возможности *дорого продать свою жизнь*. А умирать пассивно отъ солдатскихъ пуль или съ голоду, при невозможности сопротивленія и наказанія убійцъ, какъ „самосожигатели“, покорно умирать въ стѣнахъ „Романовки“ или быть разстрѣлянными, на подобіе куропатокъ, при выходѣ на улицу, безцѣльно гибнуть на потѣху своихъ враговъ,—такого дикаго рѣшенія у насъ не было и не могло быть принято. И потому убѣдившись окончательно въ безцѣльности дальнѣйшаго пребыванія на „Рамановкѣ“ для успѣха нашего протеста, какъ и въ невозможности дѣйствительной самообороны противъ непредвидѣнной раньше звѣрской тактики разстрѣливанія насъ издали, мы рѣшили сложить оружіе, но продолжать начатую борьбу съ позоромъ и вопіющимъ беззаконіемъ кутайсовскаго режима разоблаченіемъ всей правды на судѣ и путемъ широкой агитаціи въ русской и заграничной прессѣ.

Послѣднее слово Бодневскаго.

(8-го августа).

Я бывшій офицеръ. Десять лѣтъ служилъ я въ войскахъ, на десять же лѣтъ пришелъ и въ ссылку. Я сосланъ за то, что по человѣчески относился къ солдатамъ и говорилъ имъ правду... И вотъ прошло лишь полгода моей ссылки — и я сижу на скамьѣ подсудимыхъ—вы судите меня за убійство солдатъ. Что-же привело меня на эту скамью? Неужели лишь то „желаніе устроить скандалъ", который приписываетъ намъ г. Чаплинъ? Нѣтъ! Здѣсь должны быть иные сильные мотивы; и они конечно были. Я не съумѣю объяснить ихъ вамъ теперь, потому что отвыкъ я уже говорить въ казенныхъ рамкахъ... Да на мой взглядъ это и не нужно: вѣдь приговоръ вашъ мнѣ интересенъ лишь постольку, поскольку онъ станетъ приговоромъ надъ условіями ссылки. И я знаю, что чѣмъ суровѣе осудите вы насъ, тѣмъ ярче подчеркнете вы все безобразіе, всю нелѣпость условій, доводящихъ людей десятками до гибели, и тѣмъ большимъ презрѣніемъ заклеймитъ общество (не якутское, конечно) дѣйствительныхъ виновниковъ нашего процесса... Я знаю все это, и потому мнѣ вашего снисхожденія не надо. Если я выступалъ во время судебнаго слѣдствія съ возраженіями военному эксперту, то лишь потому, что намъ приходится защищатъ свою честь: вѣдь насъ обвиняютъ во лжи, намъ навязываютъ, кромѣ нашихъ двухъ, еще какія-то поистинѣ уже пальныя пули... Нашъ защитникъ уже сказалъ вамъ, г. г. судьи, какъ важенъ для насъ этотъ вопросъ, вопросъ чести. Это не мундирная казенная честь, какую еще недавно мнѣ разрѣшалось защищать, хотя-бы убивая безоружныхъ людей... Наша честь, затронутая теперь,— наше единственное богатство; въ нее вѣрятъ даже наши враги... жандармы даже вѣрятъ намъ! И если-бы экспертъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, онъ больше задумывался-бы надъ всѣми этими „видными отверстіями", „углами паденія" и проч. Юридически я не опровергъ эксперта, хотя и знаю я военное дѣло хорошо, хотя и зналъ я, будучи на войнѣ 1900 г., не одну прострѣленную шинель... Но вѣдь знаю-же я, что нами было сдѣлано лишь 2 выстрѣла... Чѣмъ могу я увѣрить васъ въ этомъ? Мнѣ остается просить судъ повѣрить мнѣ на слово. Какъ очевидно мнѣ, бывшему офицеру, вся несостоятельность экспертизы г. Лепина, также очевидно мнѣ все то безобразіе, вся та распущенность, что царила въ мѣстной командѣ, осаждавшей насъ въ домѣ Романова и приведшей къ преступленію... Я видалъ подвиги русскаго воинства въ Благовѣщенскѣ, я видалъ побѣдоносныя русскія оргіи въ Китаѣ, и я знаю, до чего можетъ дойти разнузданная военная команда. А какова была организація караульной службы у Романовки, вы сами слышали отъ г. Кудельскаго. Этотъ господинъ, отправляя солдатъ въ караулъ, гдѣ 56 жизней отдавались въ ихъ руки, не находилъ

нужнымъ дать командѣ какія-либо инструкціи! Онъ рекомендовалъ читать солдатамъ „Гарнизонный Уставъ“... А вѣдь этотъ-то именно уставъ и обязываетъ г. Кудельскаго, лично объяснить своимъ солдатамъ правила употребленія въ дѣло оружія, и онъ обязанъ это дѣлать передъ каждой отправкой караула... Не стану я больше говорить... Если не убѣдили васъ эти 9 дней во всемъ томъ безобразіи, что творилось вокругъ Романовки, если не убѣдили васъ рѣчи нашихъ защитниковъ, то не мнѣ убѣдить васъ... Въ заключеніе я еще разъ повторю, что приговоръ вашъ, г. г. судьи, для меня безразличенъ... Я не жду и не хочу снисхожденія. Но я знаю, я вѣрю, что какою-бы дорогою цѣною ни пришлось мнѣ платить за побѣду, я дождусь ея. Скажется правда, и петля, которую затянулъ надъ ссылкой гр. Кутайсовъ, порвется.

—

Былъ неоднократно останавливаемъ предсѣдателемъ.

Екатерины Ройзманъ.

По многимъ причинамъ я говорить здѣсь не буду, хотя и собиралась, но не могу умолчать объ одномъ. Здѣсь все время говорятъ объ убійствѣ 2-хъ солдатъ, объ убійствѣ-же столь дорогого намъ товарища, Ю. Матлахова, никто ни слова не сказалъ. Правительство старается доказать, что *мы* стрѣляли, *оно* защищалось. Мы доказываемъ противное: въ насъ стрѣляли со всѣхъ сторонъ, мы не отвѣчали. Въ этой перестрѣлкѣ убито 3 крестьянина; за убійство 2-хъ крестьянъ—солдатъ мы преданы суду. Кто-же отвѣтитъ намъ за убійство 3-го крестьянина, Юрія Матлахова?

Костюшко.

Девять дней я сижу на скамьѣ подсудимыхъ, но ни одной минуты за это время я не чувствовалъ себя подсудимымъ. Не считалъ таковыми и своихъ товарищей. И это не мое только мнѣніе. Недавно я получилъ письмо отъ своей старухи-матери: „какъ бы васъ ни назвали, для насъ вы останетесь честными, хорошими людьми“. Такая оцѣнка для меня дорога. Вашъ-же приговоръ въ этомъ отношеніи не можетъ имѣть для меня никакого значенія.

Ольги Викеръ.

Я вольнослѣдующая. Въ ссылку пришла я за мужемъ, но не за мужемъ пошла я на Романовку. Туда привело меня все то, что пережила и перетерпѣла я за нѣсколько мѣсяцевъ моей жизни въ Сибири. Не стану разсказывать всего пережитаго мною, о чемъ такъ много уже говорили здѣсь мои товарищи. Укажу лишь на одинъ характерный фактъ: за три мѣсяца моего пре-

бываніи въ Сибири: въ Александровской тюрьмѣ, въ дорогѣ къ Якутску и въ Якутской области—я три раза стояла безоружная подъ дуломъ солдатскихъ ружей. И тотъ фактъ, что человѣкъ, пришедшій добровольно въ ссылку, черезъ 3 4 мѣсяца идетъ на Романовку, чтобы протестовать противъ нея, — этотъ фактъ, г.г. судьи, долженъ предъ вами лишній разъ подчеркнуть весь ужасъ режима Кутайсова, всю неизбѣжность и необходимость нашего протеста.

Гирша Лурье.

То, что я хотѣлъ-бы говорить, я знаю, вы не дадите мнѣ сказать; приспособить-же свои слова къ чужимъ вкусамъ — не въ моемъ характерѣ, а потому я отказываюсь отъ своего послѣдняго слова.

С. Фрида.

Мои товарищи вамъ достаточно ясно показали, чего намъ стоилъ день 6-го марта, когда намъ пришлось отказаться отъ своихъ требованій и отдать себя въ руки властей. Да, мы надѣялись, что на судѣ намъ удастся показать всю истину, весь не только логическій, но и психологическій путь, который привелъ насъ сперва на Романовку, а затѣмъ сюда—на скамью подсудимыхъ. Но тутъ рядомъ со мной, г.г. судьи, есть товарищи, которымъ вы отказали въ словѣ, и сознанія этого достаточно, чтобы я отказался отъ своего послѣдняго слова.

И. Виленкина.

Гг. судьи! Господинъ прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи, говоря о заявленіяхъ, поданныхъ мною, Зеликманъ и Померанцъ, приравнялъ ихъ явкѣ съ повинной. Подобное замѣчаніе оскорбительно для всѣхъ нашихъ единомышленниковъ и для насъ троихъ въ частности — мы, политическіе ссыльные, слишкомъ не привыкли являться куда-либо съ повинными—это ниже нашей революціонной чести, мы слишкомъ привыкли открыто смотрѣть въ глаза дѣйствительности и къ тому, чтобы слово не расходилось съ дѣломъ. Завтра вы произнесете вашъ приговоръ. Онъ облетитъ всю мыслящую и чувствующую Россію, онъ усилитъ волны общественнаго подъема, онъ еще болѣе сгуститъ грозовыя тучи, собравшіяся на горизонтѣ русской общественной жизни; вашъ приговоръ встрѣтитъ всестороннюю критику передовой части русскаго общества. Это общество рѣшитъ, насколько справедливъ вашъ приговоръ, насколько онъ исходитъ изъ современнаго положенія вещей. Вы слышали голосъ бывшаго офицера русской арміи. Теперь я, отбывающій воинскую повинность въ качествѣ рядового,

заявляю вамъ, что я не жду и не желаю вашего снисхожденія, но не могу не выразить своего глубокаго сожалѣнія, что не былъ на „Романовкѣ“ во время активной борьбы товарищей противъ циркуляровъ графа Кутайсова.

Рѣчь Назарбека Гобронидзе.

(7-го августа, по-грузински).

Арестованъ я въ 1902 г. по дѣлу безпорядковъ въ Озурнетскомъ уѣздѣ Кутаисской губ. за то, что я выяснялъ односельчанамъ смыслъ распоряженій губернатора. Допрашивалъ меня жандармскій полковникъ, который не зналъ грузинскаго языка, я же по русски ничего не понималъ. Въ качествѣ переводчика присутствовалъ при допросѣ грекъ, который едва владѣлъ грузинскимъ языкомъ, такъ что не переводилъ жандарму и одной трети того, что я говорилъ: если-бы жандармамъ была извѣстна моя дѣятельность въ селѣ, то они не арестовали-бы меня. Такъ я впервые испыталъ на себѣ несправедливость властей. Просидѣвъ цѣлый годъ въ тюрьмѣ, я былъ высланъ въ Восточную Сибирь на 8 лѣтъ. Въ Александровской тюрьмѣ я все время лежалъ въ больницѣ, такъ какъ страдалъ цынгой, лихорадкой и ревматизмомъ. Докторъ совѣтовалъ мнѣ подать генералъ-губернатору заявленіе, чтобы онъ назначилъ комиссію для освидѣтельствованія моего здоровья. Въ просьбѣ мнѣ было отказано. Вскорѣ я былъ отправленъ совершенно разслабленный въ далекій путь, въ Якутскъ. По пріѣздѣ въ Якутскъ, мнѣ назначили мѣстомъ жительства Верхоянскъ. Я опять подалъ заявленіе губернатору съ просьбой назначить комиссію для моего освидѣтельствованія. Но здѣсь я не получилъ даже отвѣта. Я на своемъ вѣку видѣлъ и самъ испыталъ много несправедливостей, и я болѣю объ этомъ — не только я, но должно болѣть все человѣчество.

Приложеніе.

ДНЕВНИКЪ 4-го МАРТА.

(Найденъ при осмотрѣ дома и оглашенъ на судѣ.)

1) Въ 6 ч. утра поднятно (по обыкновенію) красное знамя.

2) Въ 8 ч. послано было губернатору заявленіе, копія котораго приложена къ дневнику 3 марта.

3) Въ 3 ч. дня кучка солдатъ стала закрывать ставни кухоннаго окна. Одинъ изъ насъ, просунувъ руку въ отверстіе окна, чтобы снять ставни, получилъ ударъ въ руку камнемъ, брошеннымъ солдатомъ, тогда одинъ изъ насъ крикнулъ, чтобы не смѣли бросать камнями, иначе мы будемъ стрѣлять. „Стрѣляй!“ отвѣтили солдаты. Затѣмъ послѣдовало съ нашей стороны 2 выстрѣла, которыми выбиты изъ строя 2 солдата. Сейчасъ же солдаты высыпали на улицу и стали насъ обстрѣливать. Обстрѣлъ начался въ 3 ч. 10 минутъ дня и продолжался минутъ 5, причемъ по нашему разсчету было выпущено 250-300 зарядовъ. Выстрѣлы попадали въ наши окна и стѣны слѣдующихъ комнатъ: Тамары Борисовны, Шебалина, *) столовую, а изъ нея въ первую комнату Пріютова, *) въ кухню и комнату Виленкина *). Обстрѣлъ исходилъ изъ Полицейской ул. (около дома Кандакова) и съ дома Романова, общее направленіе выстрѣловъ отъ города къ Ленѣ. На нашей сторонѣ былъ убитъ наповалъ выстрѣломъ въ високъ товарищъ Юрій Матлаховъ и контуженъ въ бедро товарищъ Хацкелевичъ. Рана послѣдняго настолько легка, что онъ на слѣдующій день вполнѣ оправился.

4) Въ 4 дня въ дверь нашего дома постучались губернаторъ и полицмейстеръ, явившіеся для переговоровъ. Губернаторъ предложилъ дать арестовать себя, снова повторилъ о той уступкѣ, которую онъ обѣщалъ въ 1-й день (18 Февраля), и сказалъ, что въ противномъ случаѣ будутъ страшныя потери съ той и съ другой стороны и что насъ ожидаетъ ужасная участь. Товарищъ Тепловъ, нашъ довѣренный, ему отвѣтилъ, что мы не разъ предупреждали, что мы не можемъ допустить принятія такихъ мѣръ, которыя угрожаютъ нашему существованію здѣсь; точно также предупреждали, что не потерпимъ провоцирующихъ выходокъ солдатъ (закрываніе ставень, бросаніе камней въ ставни, площадную ругань,

*) Квартиранты дома Романова до 18 февраля.

прицѣливаніе солдатъ въ насъ и т. д.). Всѣ наши заявленія остались безъ отвѣта, и камень, брошенный въ товарища солдатомъ, заставилъ насъ перейти къ вооруженной самозащитѣ. Далѣе нашъ довѣренный заявилъ, что мы не разойдемся, пока наши требованія не будутъ удовлетворены и что онъ можетъ подвергнуть насъ, 56 человѣкъ, разстрѣлу и что отвѣтственность падетъ на не о. „Разстрѣливать насъ я не намѣренъ, а постараюсь взять васъ живыми", отвѣтилъ губернаторъ. На этомъ переговоры прекратились.

5) Около 5 час. вечера тѣло покойнаго товарища Матлахова было вынесено въ помѣщеніе подъ лѣстницей при пѣніи: „Мы жертвою пали"...

6) Вечеръ прошелъ въ укрѣпленіи блиндажей и принятіи мѣръ предосторожности противъ обстрѣла

7) Ночь прошла спокойно.